

ЗАЧАРОВАННЫЕ

АЛИСОН НОЭЛЬ

Алисон Ноэль Зачарованные

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7068426
Зачарованные / Алисон Ноэль ; [пер. с англ. Ф. Гомоновой].: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-72911-1

Аннотация

Юная Дайра не такая, как все. Вместе с матерью она кочует по свету, нигде подолгу не задерживаясь. Отец Дайры погиб при загадочных обстоятельствах еще до ее рождения, а бабушка вообще как сквозь землю провалилась.

Дайру часто преследуют видения. Светящиеся люди и стаи воронов, говорящие отрубленные головы – не оставляют ее в покое. Врачи считают Дайру психически больной, но на ее горизонте вовремя возникает бабушка – Палома Сантос. И Дайра вынуждена отправиться в городок Очарование, в штате Нью-Мексико, где Палома вводит ее в курс дела. Оказывается, представители рода Сантос являются потомственными шаманами. Отныне Дайре предстоит обучиться магии, стать Искателем и поддерживать равновесие между мирами.

Впервые на русском языке!

Содержание

Духи животных – путеводитель	5
Прошрое	6
Настоящее	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	36
Глава 10	40
Глава 11	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алисон Ноэль Зачарованные

Посвящается памяти моей бабулы¹

Alyson Noël
FATED

Copyright © 2012 by Alyson Noël, LLC.
All rights reserved

В оформлении переплета использован рисунок
В. Коробейникова

© Ф. Гомонова, перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Духи животных – путеводитель

Ворон

Олицетворяет тайну, магию и изменения в сознании. Ворон учит нас постигать бесформенное – и придавать ему форму. Он помогает нам понимать свои недостатки и напоминает, что мы в состоянии преобразовать лишь то, чему можем смело взглянуть в лицо. Дух Ворона – прирожденный оборотень, он позволяет нам меняться в зависимости от ситуации и даже становиться невидимыми для остальных. Ворон – наш проводник в мире духов, помогающий использовать законы этого мира, чтобы выявить необходимое и зажечь свет во тьме.

Койот

Символизирует юмор, хитрость и причудливые повороты судьбы. Он учит нас, как добиться равновесия между мудростью и безрассудством. Койот – ловкий и хитрый противник. Этот дух напоминает нам, что необходимо тщательно изучить все обстоятельства, прежде чем строить планы. Койот – мастер выживания и готов пойти на крайние меры, чтобы защитить своих родных и близких. Ловкач и обманщик, он помогает нам приспосабливаться к обстоятельствам и находить смешное в любой ситуации. Магия Койота не всегда срабатывает так, как задумано, но она никогда не бывает бесцельной.

Лошадь

Воплощение свободы, силы и просвещения. Лошадь преподает нам уроки терпения, доброты и показывает, что отношения всегда строятся на взаимодействии. Быстрая и выносливая Лошадь воодушевляет нас стойко переносить невзгоды и стремиться к реализации своего потенциала. Этот дух напоминает нам о нашей внутренней энергии, дает нам мужество идти вперед и пробовать новое. Лошадь призывает нас с достоинством нести тяготы жизни, сохраняя тесную связь с землей в нашем духовном поиске.

Волк

Является символом защиты и верности. Волк учит нас соблюдать равновесие между личными интересами и интересами окружающих людей, помнить о важности ритуалов для установления порядка и о том, что настоящая свобода требует дисциплины. Волк умен, его чувства остры, и он часто напоминает нам, что проблем лучше избегать, а сражаться нужно только тогда, когда в этом есть необходимость. Волк – мудрый наставник, поощряющий нас прислушиваться к собственным мыслям для достижения глубоких уровней самопознания и интуиции. Он охраняет и направляет нас на пути постижения смысла жизни и прививает нам уважение к силам духовного мира.

Орел

Символизирует озарение, исцеление и созидание. Он показывает нам, что, хотя мы и сами выбираем свой путь, всегда необходимо уважать свободу других. Как и Орел с его способностью видеть все из-под купола небес, мы должны охватывать жизнь взглядом с высоты полета. Этот дух обладает великой силой, с готовностью принимает на себя ответственность и не сбивается с верного курса в трудные времена. Могучие крылья и мощные лапы помогают Орлу перемещаться между мирами. Он вдохновляет нас на достижение духовных вершин, сохраняя при этом тесную связь с реальностью.

Прошное

*Мудрость сама в руки не дается, ее нужно открыть, пройдя
путь, который никто другой не может пройти за тебя.
Марсель Пруст «Под сенью девушек в цвету»*

Сперва появились вороны. Целая туча. Черная стая кружила над кладбищем, темные бусины глаз внимательно следили за происходящим. Порывы ветра трепали и швыряли птиц, но они сохраняли четкий строй. Они не обращали внимания ни на палящую жару, ни на духоту, вызванную лесными пожарами, ни на пепел. А серые хлопья все сыпались и сыпались с багряного неба на группу скорбящих людей на кладбище.

Те, кто осознал скрытый смысл подобных вещей, сразу поняли, что это – знак. И Палома Сантос, уверенная, что внезапная смерть ее сына не была случайной, узрела в воронах предвестников и глашатаев. Стая возвещала появление следующего Искателя.

И подозрения Паломы подтвердились. Она обняла девушку – убитую горем подругу своего погибшего мальчика – и почувствовала новую жизнь, зреющую в юном теле. Последняя из Сантос. Ее внучка, судьба которой уже давно предсказана.

Но если об этом узнали вороны, значит, узнают и другие. Враги. Те, кому хочется уничтожить ребенка. И они жаждут сделать так, чтобы у девочки не было ни малейшего шанса стать той, кем ей предначертано судьбой.

Палома ушла с кладбища еще до того, как первые комья земли упали на гроб. Она дала себе зарок молчать и держаться в стороне, пока девочке не исполнится шестнадцать лет. Лишь тогда ей понадобится мудрость Паломы.

Значит, у самой Паломы есть время, чтобы все подготовить. Она восстановит гаснущие силы и сохранит наследие рода Сантос. Ничего не поделаешь – смерть сына принесла не только скорбь, но и тяжелое бремя ответственности.

А если ей не удастся связаться с внучкой, жизнь девочки может оборваться – так же трагически преждевременно, как и жизнь ее отца. Но Палома не будет рисковать. Слиш-

ком многое поставлено на карту. Нерожденный ребенок держал в своих руках судьбу целого мира.

Настоящее

Глава 1

Воздух застывает, а время словно съеживается и опадает усталыми складками. Открываю деревянную дверцу *риада*², где мы с Дженникой живем уже несколько недель, и покидаю наш внутренний дворик, увитый розами и жимолостью. Теперь я оказываюсь в лабиринте узких улочек старого города. И все снова замирает.

Но на сей раз я решаю поступить по-другому. Надо бы попробовать нечто новенькое. Я пробираюсь вдоль палевых стен и прохожу мимо худого мужчины, застывшего на дороге. Тихо дотрагиваюсь до белой хлопковой рубашки незнакомца и мягко разворачиваю его в противоположном направлении. Подныриваю под брюхо драного черного кота, который оцепенел в прыжке, и быстро переставляю местами бронзовые светильники, которые продает старик на углу. Потом направляюсь к следующей лавчонке и примеряю ярко-синие *бабуши*³. Они мне нравятся, так что я их не снимаю и оставляю взамен свои старые кожаные сандалии и пригоршню мятых дирхамов⁴.

Глаза болят от напряжения, но я изо всех сил стараюсь не моргать. Если я не выдержу, то прохожий в белой рубашке оживет, кот мягко завершит свой прыжок, а продавцы будут озадаченно пялиться на свой товар. Мир вновь мгновенно погрузится в свой обычный хаос.

Но когда я замечаю светящиеся силуэты, то сразу инстинктивно зажмуриваюсь. Я надеюсь, что они растают в воздухе и отправятся по своим делам. Пусть делают, что хотят, только пусть не наблюдают за мной!

² Риад – традиционный марокканский дом с внутренним двориком.

³ Бабуши – шлепанцы с загнутыми носами.

⁴ Дирхам – современная валюта некоторых арабоязычных государств.

Раньше я думала, что такое случается со всеми людьми, пока не рассказала об этом Дженнике. Она скептически улыбнулась и заявила, что у меня – переутомление из-за длительных перелетов. Дженника уверена, что время никого никогда не ждет, поэтому нужно всегда торопиться.

Но я-то всегда понимала разницу. Я, наверное, полжизни провела в самолетах и разбираюсь в часовых поясах. Очевидно, мое состояние не имеет с «синдромом путешественника» ничего общего. Впрочем, я предпочитаю не упоминать вслух о всяких чудесах. Я просто терпеливо жду, когда они повторятся. Вот и все. Кстати, на протяжении последних лет такие странности участились. С тех пор как мы прилетели в Марокко – раза три в неделю.

Рядом пробегает молодой парень, примерно моего возраста, и его жадный взгляд напоминает мне, что нужно поправить голубой шелковый шарф и полностью прикрыть волосы. Ускоряю шаг. До сумерек мне надо успеть на площадь Джема-эль-Фна⁵ – я хочу опередить Вейна. Сворачиваю за угол, и самые разные ощущения обрушиваются на меня, как лавина.

Прямо передо мной – ряды открытых жаровен, на которых готовят голубей, козлят и бог знает что еще. Блестящие от соуса тушки вращаются на вертелах, в небо поднимаются облака дыма, ароматного от специй. Заклинатель змей устроился по-турецки на толстых циновках, кобра зачарованно покачивается под гипнотический аккомпанемент флейты. Завораживающе гремят огромные барабаны, их шум неумолчно пульсирует повсюду. Это – вечные звуки площади, которая пробуждается к ночной жизни.

Делаю глубокий вдох, наслаждаясь смесью запахов экзотических масел и жасмина, и быстро озираюсь по сторонам. Мне недолго осталось любоваться красотами города – съемки скоро заканчиваются, и мы с Дженникой отправимся куда-нибудь еще, где требуется талантливый гример. Доведется ли нам вернуться сюда?

Пробираясь к лотку с едой возле заклинателя змей, где уже околачивается Вейн, я специально медлю пару секунд. Мне нужно справиться с раздражающим приступом слабости, который случается со мной всегда, когда я вижу его взъерошенные золотистые волосы, синие глаза и мягкий изгиб губ. «Наивная дуреха», – говорю я себе и укоризненно киваю.

А с ним ведь не стоит встречаться. Правила игры мне хорошо знакомы. Самое главное в такой ситуации – никогда не увлекаться и не принимать ничего всерьез. Веселиться, получать удовольствие – и не оглядываться назад, когда настанет время расставаться. Ведь красота актеров принадлежит поклонникам. Ни одно из звездных лиц никогда не будет принадлежать мне.

Дженника таскала меня с собой, когда я была еще совсем маленькой. Поэтому я вечно оказывалась в роли ребенка на съемочной площадке. И волей-неволей я подчинялась неписаным законам: сидела тихо, не лезла под ноги, помогала, если попросят, и самое главное – не путала кино с реальной жизнью.

Короче говоря, с детства я постоянно общалась с разными знаменитостями, поэтому реагирую на них спокойно и впечатлительностью не страдаю. Возможно, именно поэтому я им и нравлюсь. Внешность у меня приятная. Я довольно высокая, стройная, с длинными темными волосами и зелеными глазами. Но в целом – ничего особенного, просто среднестатистическая девчонка. Но я никогда не тушуюсь и не смущаюсь, сталкиваясь со звездами: для них это непривычно, и в результате они сами проявляют ко мне интерес.

Впервые я поцеловалась в Рио-де-Жанейро с мальчиком, который, между прочим, выиграл приз MTV за «Лучший поцелуй». Никто из проголосовавших за него явно с ним не целовался, это уж точно. А во второй раз – на Новом мосту в Париже – с парнем, который кра-

⁵ Площадь Джема-эль-Фна – центральная и рыночная площадь Марракеша. Название *Джема-эль-Фна* в переводе с арабского означает «площадь мертвых», поскольку вплоть до XIX века именно здесь казнили преступников.

совался на обложке «Vanity Fair»⁶. Да, они богаты и популярны, за ними гоняются папарацци, но в остальном наши жизни не так сильно различаются. Большинство из них – странники, как и я. Мы постоянно меняем дома и друзей. Никакой оседлости. Если твой единственный адрес – почтовый ящик «до востребования», трудно завести постоянные отношения.

Однако когда я подхожу к Вейну, то чувствую, как меня охватывает смтение. Мне трудно дышать. Он улыбается мне своей фирменной ленивой улыбкой и говорит: «*С днем рождения, Дайра!*» Я знаю, миллионы девушек готовы на все что угодно, лишь бы очутиться сейчас на моем месте, в моих голубых бабушах с загнутыми носами.

Улыбаюсь в ответ и засовываю руки в карманы армейской зеленой куртки. Дескать я не замечаю, как его взгляд скользит по моей фигуре – задерживаясь на моей обтягивающей майке и узких джинсах.

– Здорово! – Он ставит ногу рядом с моей и кивает на такие же шлепанцы, только мужские.

Затем смеется и сообщает:

– Как думаешь, может, мы запустим новый модный тренд, когда вернемся в Штаты?

«Мы». Никакого «мы» не существует, и вообще меня его притворство раздражает. Съёмки закончились, и наш короткий роман – тоже, а он еще пребывает «в образе». Впрочем, вскоре в наши паспорта поставят выездной штамп.

Из-за этих мыслей мои нежные чувства исчезают, как пламя, погашенное ливнем, и место восторженной барышни занимает настоящая Дайра.

– Вряд ли, – усмехаюсь я, пиная его бабуши.

Ничего, он это заслужил, раз уж считает меня наивной девицей.

– Слушай, давай перекусим? Мне страшно хочется местный длинный бутерброд с мясом или с колбасой. И картошку!

Поворачиваюсь к лоткам с едой, но Вейн хватает меня за руку.

– Подожди минутку. – Он притягивает меня к себе. – У тебя – день рождения! Можно придумать что-нибудь особенное! Как тебе идея насчет одинаковых татуировок?

Таращусь на него в полном изумлении. Он что, шутит?

– Дайра, не бойся, ничего постоянного! Я имею в виду их временные татуировки хной – мехенди. Они смываются, но выглядят классно.

Он чуть приподнимает левую бровь, и я с трудом подавляю желание нахмуриться. *Ничего постоянного.* Прямо-таки девиз моей жизни. Но мехенди – это лучше, чем глупая переводная картинка. Мехенди будет украшать меня еще долго после того, как оплаченный студией личный самолет Вейна умчится прочь.

– Режиссер тебя убьет, если ты заявишься завтра на съёмки, расписанный хной, – парирую я.

Вейн пожимает плечами. Сколько раз я видела подобный жест – и у него, и у других молодых актеров. Он чувствует себя абсолютной звездой. Он незаменим. Вейн думает, что он – единственный на свете семнадцатилетний парень с толикой таланта, загорелой кожей, выщипанными волосами и пронзительными глазами. Ну, разумеется, он заставляет экран сиять, а девицы (а также их мамы) млеют от его красоты. Это опасный ход мыслей, особенно если ты работаешь в Голливуде. Такие идеи приводят к лечению от наркозависимости в клиниках, к ролям в дешевых телевизионных сериалах и низкобюджетных фильмах, которые даже не выходят в прокат, а выпускаются на DVD.

Впрочем, я не сопротивляюсь, когда он тащит к женщине, одетой в черное. На ее коленях лежит горка пакетиков с хной. Пока Вейн договаривается насчет цены, я чинно усажи-

⁶ «Vanity Fair» (в пер. с англ. «Ярмарка тщеславия») – американский журнал, посвященный моде, политике и массовой культуре.

ваюсь перед ней. Она отрезает уголок у одного из пакетиков и выдавливает темную пасту на мою кожу, не спрашивая, какой орнамент я предпочитаю. Хотя мне все равно. Прислоняюсь к Вейну и позволяю ей делать то, что она хочет.

– Не трогайте узор как можно дольше, чтобы он закрепился. Чем темнее краска, тем сильнее ваш молодой человек любит вас.

Женщина бросает многозначительный взгляд на нас с Вейном. По-английски она изъясняется плохо, запинаясь и с акцентом, но смысл ее фразы вполне ясен.

– Мы не... – собираюсь сказать, что мы не влюблены друг в друга, но Вейн обнимает меня и чмокает в щеку.

Его улыбка заставляет мастерицу улыбнуться в ответ, демонстрируя нам редкие почерневшие зубы.

Я падаю в ступор, потрясенная его нежностями, и ощущаю себя идиоткой. Я пылаю, на руках размазана хна, похожая на грязь, а к спине прижимается восходящая юная звезда.

Я вообще-то не представляю, что положено чувствовать в такой момент. Но явно не то, что чувствую сейчас я. Похоже, Вейн играет очередную роль. Он перевоплотился в дерзкого юношу и теперь выступает для этой странной марокканки, которую мы больше никогда не увидим. Но зрители – это зрители, даже если их мало.

Когда женщина принимается покрывать хной ноги Вейна, я начинаю потихоньку отколупывать крошечные кусочки хны. Витиеватый узор превращается в пыль и смешивается с землей.

Почему-то мне не хочется, чтобы марокканка была права. Я не могу позволить себе влюбиться.

Сделав татуировки, мы с Вейном направляемся к жаровням. Уплетаем пять бутербродов с мясом и колбасками, жареную картошку и запиваем все двумя бутылками «Фанты». Потом бродим среди уличных артистов, разглядывая акробатов, жонглеров, ясновидящих, целителей, музыкантов и дрессировщиков с ручными обезьянками. Там даже обнаруживается женщина-дантист, и мы в ужасе наблюдаем, как она выдирает гнилые зубы какому-то старику.

Идем по площади, касаясь друг друга бедрами при каждом шаге. Дыхание Вейна щекочет мне ухо, он вытаскивает из кармана маленькую бутылочку водки и предлагает мне хлебнуть, но я отталкиваю его. Где-нибудь в другом городе я бы, пожалуй, не возражала, но Марракеш – слишком загадочный и немного пугает меня. Кроме того, я не знаю здешних законов, но подозреваю, что к алкоголю тут относятся строго. Не хватало еще загреметь в тюрьму за «распитие спиртных напитков».

Вейн усмехается, отвинчивает крышечку и делает пару глотков. Затем прячет водку и тянет меня в пустой переулок. Я спотыкаюсь и прищуриваюсь в темноте. Теплые ладони Вейна поддерживают меня за талию, и я вспоминаю присказку Дженники, которую та повторяла мне, приучая спать без лампы:

– Нужно только привыкнуть, а свет сам найдет тебя.

Вейн стаскивает шарф с моих волос и придвигается настолько близко, что я различаю его синие глаза. Его идеально очерченные губы прижимаются к моему рту. Я растворяюсь в поцелуе, ощущая слабый вкус алкоголя на его языке. Ласкаю напряженные плечи Вейна, глажу шелковистую гриву его волос. Он задирает мне майку...

Я в каком-то бреду – и от его горячего тела, и от его обещаний. Подчиняюсь властному приказу его пальцев, захвативших в плен мою грудь, и мои собственные руки скользят вниз, ощущая рельефные мышцы живота, все ниже и ниже, к поясу его джинсов. Я готова продолжать свои исследования, но Вейн отстраняется.

– Лучше пойдем отсюда... – хрипло шепчет он.

Мы оба стараемся перевести дыхание, сопротивляясь желанию вновь слиться в жадном поцелуе.

– Нет, серьезно, это будет потрясающе! Быстрее!

Он вытаскивает меня из переулка на ярко освещенную шумную площадь. Сперва я не возражаю, но непрекращающийся ритм барабанов зачаровывает меня.

– Нам сюда. Эй, Дайра! Что с тобой?

Он недоуменно хмурится, а я, ни на что не реагируя, направляюсь к источнику пульсирующего ритма.

Пробираюсь сквозь плотную толпу и наконец оказываюсь лицом к лицу с тем, что я искала. Гипнотический звук красного кожаного барабана заполняет мою голову. Передо мной плывут сполохи шелка, золотых монет и обведенные сурьмой страстные глаза на полускрытом платком лице.

Вейн проталкивается следом за мной и останавливается рядом. Он заморожен зрелищем одетого в длинный кафтан мужчины, который бешено извивается под мерный звон цимбал. Но Вейн, конечно, не видит того, что все дрожит, расплывается и мерцает. Я словно смотрю на мир сквозь радужное стекло. Яркие силуэты внезапно возникают вокруг нас и манят меня, зовут к себе.

Быстро моргаю несколько раз, пытаюсь вернуться в реальность, но без всякого успеха. Сияющие люди по-прежнему окружают меня, а теперь к ним присоединились и вороны.

Тысячи птиц заполняют площадь. Они садятся на барабанщика, на танцующего трансовестита, взлетают и приземляются где хотят. Пространство миготом гаснет в тысячах бусинок глаз, неотрывно наблюдающих за мной. Светящиеся люди медленно движутся вперед: они идут прямо по воронам, превращая их в месиво из черных окровавленных перьев. И я ничего не могу сделать, чтобы остановить их. Но я могу убежать.

С воплем бросаюсь в толпу, расталкивая людей, крича, чтобы они убирались восвояси. Вейн хватает меня, прижимает к груди, просит успокоиться. Я облегченно вздыхаю, не зная, как объяснить свой приступ безумия. Но в эту секунду взгляд мой падает на площадь, и я обнаруживаю нечто похуже ворон. Сейчас она заполнена тысячами окровавленных отрубленных голов, которые насажены на пики.

Кошмарные рты искривляются, и чудовищный хор выкликает мое имя, призывая меня прислушаться к предупреждениям, пока еще не поздно. Один из голосов звучит громче прочих. Измученное лицо, которому он принадлежит, очень мне знакомо. Я видела его на старой фотографии из нашего с Дженникой домашнего архива.

Глава 2

Яркий свет заставляет меня зажмуриться. Я хочу закрыть лицо ладонями, но не могу пошевелить ни единым пальцем. Когда я пытаюсь сесть, то просто падаю назад. Что со мной стряслось?

Мои руки беспомощно вытянуты в стороны. Пытаясь разобраться в ситуации, я в конце концов обнаруживаю, что привязана к кровати.

– Она очнулась! – кричит какая-то женщина с сильным акцентом.

Мне даже непонятно, с облегчением она это произнесла или с тревогой.

– Мисс Дженника! Ваша дочь Дайра очнулась!

Дженника! Значит, моя мать в курсе?

Поворачиваю голову и пристально разглядываю голубые стены своей комнаты, пол с терракотовой плиткой и восьмиугольный столик. На нем привычно разложены мои вещи: помятая баночка с бальзамом для губ, серебристый айфон с наушниками и потрепанная книжка в мягкой обложке.

Пожилая женщина в традиционной черной галабее выбегает в коридор и моментально возвращается в сопровождении Дженники. Мама садится на стул и кладет мне на лоб прохладную руку. Зеленые глаза поблескивают на ее побледневшем от усталости лице, обрамленном платиновыми волосами.

– Дайра, как ты себя чувствуешь? Ты в порядке? Я так переволновалась! У тебя ничего не болит? Чем мне тебе помочь? – Дженника наклоняется ближе и нервно поправляет мою подушку.

Пытаюсь выдавить пару слов, но губы у меня потрескались, а горло и язык пересохли.

– Ничего, не торопись. – Дженника ласково хлопывает меня по плечу. – Ты была очень больна, поэтому не надо спешить. Мы пробудем здесь столько, сколько нужно, пока ты полностью не поправишься.

– Развяжи меня, – мой голос звучит как воронье карканье, и я дергаю за веревки.

Но Дженника лишь протягивает мне воду.

– Выпей, – говорит она, вставляет в бутылку красную соломинку и подносит ее к моим губам. – Ты очень долго спала, тебе надо освежиться.

Несмотря на нарастающее раздражение, я жадно глотаю воду. Вцепляюсь зубами в соломинку и делаю мелкие глотки, испытывая неимоверное облегчение. Прохладная жидкость действительно успокаивает меня. Осушив бутылку, я отталкиваю ее и, прищурившись, смотрю на маму.

– Дженника, какого черта? Зачем? – сержусь, безуспешно пытаюсь освободиться, но она игнорирует взрыв моего негодования.

Молча отходит на другой конец комнаты и шепчется с марокканкой. Мне становится как-то не по себе. Дженника внимательно слушает собеседницу, потом отрицательно мотает головой и что-то бормочет в ответ. Наконец мама возвращается и произносит:

– Извини, Дайра, я очень-очень сожалею, но мне не разрешили тебя отвязывать.

И она проводит рукой по своей короткой черной маечке. Стоп! Вообще-то она нацепила мой топ, я что-то не припомню, чтобы разрешила Дженнике его надевать.

– Что?! – вскидываюсь я. – Тебе приказали? Она, да? – Я киваю на старуху.

Марокканка в своем балахоне и платке, закрывающем волосы, выглядит в точности как тысячи других женщин с местного рынка. Короче, не похожа на человека, который имеет право распоряжаться в чужом доме.

– Дженника, серьезно, с каких пор ты подчиняешься чьим-то командам, кроме твоего босса? Ты шутишь? Уверю, мне ни капельки не смешно!

Дженника вертит серебряное кольцо, которое я ей подарила на День матери, когда мы были на съемках в Перу. Затем присаживается на краешек кровати.

– Ты хоть помнишь, как здесь оказалась? – шепчет она и кладет ногу на ногу, шурша шелковой юбкой.

Я вздыхаю, притворяясь, что смирилась со своим положением. Тоже расслабляюсь и поудобнее устраиваюсь среди многочисленных подушек разного размера. Понятия не имею, о чем она говорит. Каким образом я стала узницей в собственной комнате? Мне надо, чтобы она меня развязала. Я хочу получить обратно свою свободу – здесь и сейчас.

– Дженника, мне бы... в туалет, – заявляю я. – Или прикажешь мне сделать это прямо в постель?

Очевидно, в моем взгляде столько вызова, что Дженника нерешительно прикусывает губу, косится на марокканку и увещевает меня:

– Прости, Дайра. Потерпи или воспользуйся уткой. Доктор просил не отвязывать тебя, пока он не вернется. Но ты не волнуйся, он скоро придет, Фатима позвонила ему, как только ты проснулась.

– Доктор? Какого... – Я рефлекторно снова пытаюсь сесть, не веря своим ушам, и снова шлепаюсь на спину.

Моя ярость по поводу безумной ситуации нарастает. Я готова заорать или заплакать, но внезапно кадры произошедшего вспыхивают в моем мозгу, и отдельные образы начинают складываться в картинку. Вейн, площадь, трансвестит, извивающийся в танце живота, бой барабанов... Все это, будто сполохи света, проносится у меня в голове.

– Дженника, развяжи меня! – воплю я. – Иначе я...

Она склоняется ко мне, и прядь ее волос падает мне на щеку. В глазах ее мольба, а в голосе звучит страх.

– Тебе не стоит говорить такие вещи, – тихо произносит она и начинает тараторить: – Они уверены, что ты представляешь опасность и для себя, и для окружающих. Они намеревались забрать тебя в больницу, но я не разрешила. Но если ты будешь кричать, то у меня не останется выбора. Дайра, пожалуйста, научись контролировать себя.

Я презрительно усмехаюсь. Что еще за бред?

– Ладно... – издевательски тяну я. – И что я натворила, чтобы заслужить подобный приговор?

Но, прежде чем она успевает ответить, вспышка в памяти освещает новые образы. В моем сознании мелькают сияющие люди, вороны и отрубленные головы на пиках...

И еще Вейн. Что-то с ним случилось. Он схватил меня, пытался убедить, что все в порядке. Но он ничего не видел. Он пытался удержать меня, успокоить, а мне нужно было вырваться и убежать – подальше от площади...

– Господи, ты что? Ничего не помнишь? – Голос Дженники срывается, она почти рыдает. – Ты исцарапала ему все лицо! Съемки отложили, пока не заживут царапины, – замазать их гримом просто невозможно! Не говоря уже о том, что ты сделала с собой.

Она гладит меня по запястью, и в какой-то момент я перестаю чувствовать ее прикосновение. До меня доходит, что от локтей и до кистей мои руки полностью забинтованы. Почти стершиеся следы хны видны лишь на самых кончиках пальцев. *Ясно, он меня не любит.* Откидываюсь на подушку и вновь вздыхаю.

– Дайра, ты была словно помешанная.

Угадывается стиль Дженники: вид у нее печальный, но церемониться она не станет.

– У тебя был нервный срыв. Доктор утверждал, что ты полностью потеряла связь с реальностью. Несколько человек едва смогли оттащить тебя от Вейна, и ты тут же набросилась на них. К счастью, никто не собирается подавать в суд, а пресс-агент Вейна хочет замаять инцидент, чтобы журналисты не пронюхали. Но сама знаешь, в каком веке мы живем...

Она ненадолго замолкает.

– Боюсь, что самое лучшее, на что мы можем рассчитывать, – постараться выбраться из этого кошмара с минимальными потерями.

Теперь Дженника переходит на едва слышный заговорщицкий шепот:

– Вейн клялся, что ни алкоголя, ни наркотиков не было. Но мне-то можно сказать правду. Дайра, я обещала, что не буду тебя наказывать, если ты честно признаешься, что сделала что-то не то.

В ее глазах краснеет тонкая паутинка сосудов. Наверняка она недавно плакала.

– Вы решили как следует оттянуться? Ну, это был твой день рождения, и вы гуляли по-взрослому?

В ее голосе слышна надежда. Только бы причина была в чем-то понятном и легко объяснимом! Потерявшие меру подростки куда предпочтительнее непереносимой для нее истины. Ее дочь спятила и напала на голливудскую знаменитость! Ведь я продолжала сопротивляться, кусаться и визжать, пока меня не скрутили и не вкололи лекарство, которое жидким огнем прокатилось по моим венам. Лишь сейчас я вспомнила все.

Дженника застыла. Ей очень страшно. Но я не могу сказать ей то, что она хочет услышать. У нас ведь есть уговор – мама обещала верить моим словам до тех пор, пока я говорю правду, и я никогда не давала ей повода усомниться во мне.

Вейн пил, но я не прикасалась к алкоголю! А от наркотиков я всегда отказываюсь. То, что я видела, не было ни пьяным бредом, ни галлюцинациями. Мне необходимо, чтобы хоть один человек поверил мне – но если мне не удастся убедить мою собственную мать, то я пропала. Поэтому я лепечу:

– Ничего я не праздновала! И не нарушала...

Мне отчаянно необходимо убедить ее в том, что я не лгу. Она кивает, но губы ее сжимаются в прямую линию. Ясно, она разочарована. Ей проще принять то, что я соврала, чем пойти мне навстречу.

Между нами повисает тяжелое молчание. Может, есть способ убедить Дженнику, что это не выдумки моего спятившего разума? Вдруг раздается стук в дверь, приглушенные голоса, и в проеме арки возникает какой-то полный мужчина. За его спиной маячит вездесущая Фатима.

На незнакомце тщательно отглаженный костюм с накрахмаленной белой рубашкой, начищенные ботинки и простецкий голубой галстук. Я отмечаю его странные тусклые глаза, узкий рот и кудрявые волосы, которые не отражают свет, несмотря на то что лампочка висит прямо над его головой.

– Привет, Дайра! Рад, что ты проснулась.

Он поворачивается к Фатиме и знаком показывает ей подтащить к постели стул, на который он и усаживается, поставив на пол кожаную сумку. Просит Дженнику отодвинуться, снимает с шеи фонендоскоп и собирается послушать, что творится у меня внутри. Я недовольно ворчу:

– Может, для начала представиться? Так будет вежливее.

Он широко и неискренне улыбается.

– Извините, вы, безусловно, правы, я позабыл о хороших манерах. Я – доктор Зиати, и я наблюдаю за вами с того вечера, когда произошел... инцидент.

– Инцидент? – ядовито повторяю я.

Доктор:

– А вы предпочитаете называть это как-то иначе?

Дженника взглядом предупреждает меня не нарываться на неприятности. Однако я не могу удержаться от нового вопроса:

– А откуда вы так хорошо знаете английский язык?

Доктор смеется, а я вижу его ровные белые зубы, что в этих краях является большой редкостью. Поэтому ничуть не удивляюсь, когда он объясняет, что учился в Штатах:

– Точнее, в Пенсильванском университете. Но родился я в Марракеше, поэтому после стажировки за рубежом вернулся на родину. Я удовлетворил ваше любопытство? У вас есть еще вопросы?

Я только пожимаю плечами. Приняв мой жест за согласие, он откидывает простыню, просит меня глубоко дышать и снова берется за фонендоскоп. Холодный металл, прикасающийся к груди, заставляет меня поежиться. Потом светит мне в глаза фонариком, приказывает открыть рот и сказать «А-а-а». Затем прикладывает пальцы к моей шее под челюстью и проверяет пульс, внимательно следя за секундной стрелкой своих дорогих золотых часов. Наконец кивает и выпрямляется:

– Отлично. Надеюсь, вы отдохнули?

Доктор убирает стетоскоп в сумку и осматривает мои забинтованные руки, крутя их то туда, то сюда. А я начинаю злиться всерьез:

– Ах, вот как! Я не собираюсь ничего рассказывать, пока меня не развяжут.

Дженника кидается ко мне в тщетной попытке утихомирить.

– У меня есть права!

Но меня игнорируют. Доктор Зиати изрекает:

– Юная леди, вы вообще представляете, как вы здесь оказались?

Еще бы – сияющие силуэты, тысячи воронов... Дальше что?

– Вы помните, что вы делали?

Я молчу. Нет смысла что-либо объяснять. Одного взгляда на его самодовольную физиономию достаточно, чтобы понять: он не встанет на мою сторону.

– У вас были все симптомы. Стандартная ситуация для туристов, – с презрением бросает он. – Впрочем, мы получили результаты ваших анализов, и они чистые. Следовательно, я должен задать вам вопрос: приходилось ли вам раньше видеть подобные галлюцинации?

На лице Дженники написано только мрачное любопытство. Я не произношу ни слова. Сейчас мне гораздо приятнее таращиться на выложенную голубыми изразцами ванную, чем на этих двоих. Зачем защищаться, если они уже все заранее решили?

– В бреду вы говорили, что за вами гоняются сияющие люди, огромные черные вороны смеются, а отрубленные головы зовут вас к себе.

Кто-то охает. Фатима лихорадочно бормочет молитву, вцепившись в золотой амулет от сглаза⁷. Доктор резко обрывает ее:

– Боюсь, у вас начался параноидальный приступ. Но, учитывая отсутствие следов алкоголя или наркотиков, могу предположить, что химический дисбаланс в организме вызван генетическими причинами. Такое часто начинает проявляться именно в позднем подростковом периоде.

Следующий его вопрос обращен к Дженнике:

– Ведь Дайре только что исполнилось шестнадцать лет?

Она кивает и принимается грызть ноготь, покрашенный лиловым лаком.

– Извините меня, но, пожалуйста, ответьте, были ли в вашем роду случаи психических заболеваний?

Дженника каменеет и с трудом выдавливает:

– Нет! По крайней мере, я ничего не знаю...

Взгляд у нее становится отсутствующим – верные признаки того, что мама лжет. Она явно что-то скрывает. Понятия не имею, в чем тут дело, но чувствую, как во мне просыпается любопытство.

⁷ Хамса – амулет от сглаза в форме женской ладони.

Дженника была единственным ребенком в семье. Она поняла, что беременна мной, уже после того, как мой отец погиб. В итоге вместо колледжа мама очутилась в роддоме. Ее родителям понадобилось время, чтобы привыкнуть к новому раскладу, но они повели себя достойно. Помогли ей получить диплом, присматривали за мной, когда она посещала вечерние курсы косметологов. Мама как раз нашла свою первую работу гримера, когда маленький самолет, на котором ее родители летели в долину Напа на отдых, потерпел крушение.

Дженника продала дом, и мы с ней отправились в путь, перебираясь с одних съемок на другие. В перерывах мы останавливались в дешевых съемных квартирах или у друзей. Когда я подросла, она записала меня в школу удаленного обучения по Интернету, лишь бы нигде не останавливаться и не привязываться к чему-то, что можно потерять и о чем можно сожалеть.

Дженника любит повторять, что все непостоянно. И утверждает, что люди пытаются избежать любых перемен лишь для того, чтобы в конечном счете убедиться, настолько это нереально. С ее точки зрения, лучше принять перемены за образ жизни и никогда не оглядываться.

Я – единственная долгосрочная привязанность, которую она себе позволила. Сколько себя помню, наша семья состояла из Дженники, меня и круговорота разных людей, которые появлялись и исчезали на горизонте. Правда, у меня есть бабушка – мать моего отца. Но Дженника отказывается говорить о ней. Судя по всему, моя бабка пропала после гибели своего единственного сына. В прямом смысле как сквозь землю провалилась. Ну, а поскольку с ней нельзя было связаться, то она не знает о моем существовании.

Эти размышления возвращают меня к нынешней ситуации. Хотя что толку? И вообще, кто из моих предков мог свихнуться? Про Дженнику тоже можно иногда сказать «совсем спятила», но это – нормальное житейское выражение, а не медицинский термин. Она отчаянно стремится защитить меня, но, похоже, начинает сомневаться в том, что ей удастся меня спасти.

Доктор Зиати спокоен, будто ему каждый день приходится сообщать подобные эпикальные новости:

– Вашей дочери необходима неотложная помощь. Если проблему запустить, все станет еще хуже. Сейчас мы стабилизировали ее состояние, но, к сожалению, ненадолго. Вам надо вернуться в Штаты и без промедления показать ее врачу, предпочтительно психиатру. За последние годы качество медикаментов весьма улучшилось. Сейчас люди с таким состоянием, как у Дайры, могут жить нормальной полноценной жизнью. При правильном лечении и регулярных осмотрах у нее все будет в порядке.

Дженника кивает с несчастным видом.

А доктор достает из сумки заранее приготовленный шприц и быстро делает мне укол. Чувствую, как тело мое тяжелеет, язык немеет. Последнее, что я слышу, это инструкции, которые он дает Дженнике:

– Вы успеете собраться и подготовиться к отъезду. После того как она проснется, каждые четыре часа давайте ей одну из этих таблеток. Но вам нужно будет обязательно обратиться к специалисту. Боюсь, что иначе ее галлюцинации только усилятся.

Глава 3

Это случилось во время полета. Когда мы были над Атлантикой, Дженника, вымотанная до предела, отключилась и пропустила время приема очередной таблетки. Разбудила ее разъяренная стюардесса. По ее словам, я истерически вопила, визжала и намеревалась прорваться к аварийному выходу посреди салона. Потребовалось пять человек команды и помощь трех пассажиров, прежде чем они скрутили меня, запихали в кресло и связали пластовыми фиксаторами, которые обычно используют для мусорных мешков.

Я-то ничего не помнила, но мне рассказали, что из-за моего буйства пилоты обратились к диспетчерам. В результате нас едва не отправили на вынужденную посадку в Гренландию.

По прилете меня с Дженникой встретила целая группа крайне раздраженных представителей администрации компании. Они отвели нас в комнату без окон, где я лежала на столе в оцепенении от принятых лекарств, а Дженника, вся в слезах, пыталась объяснить им ситуацию. Затем на нас наложили приличный штраф, а мне запретили появляться на борту самолета в ближайшие несколько лет. Впрочем, мы легко отделались.

Психотическое расстройство – вот официальное название заболевания. Куча анализов, тестов и подробных бесед с врачами – и на этом все заканчивается. Просто произошла еще одна грустная история, каких много: девочка-подросток попала во власть своих параноидальных наваждений. Такое случается, и никто не виноват. Но я знаю, как мама ругает себя.

Мы усаживаемся в отреставрированный, лазурный «Фольксваген», одолженный у знакомых. Дженника со второй попытки заводит машину, и мы выезжаем с парковки. Смотрю, как постепенно уменьшаются и исчезают угрюмые бетонные корпуса городской больницы. Мы направляемся к Харлану. Он – «периодический» бойфренд Дженники, с которым она иногда встречается. Сейчас Харлан находится в Таиланде, снимает репортаж для газеты, и он разрешил нам пользоваться его квартирой и автомобилем.

– Что ты им сказала? – осведомляется Дженника и тычет на кнопки старенького радио с фиксированными каналами.

В конце концов, она ловит «Бобби МакГи»⁸ Дженис Джоплин. Мелодия мне знакома: когда я была маленькая, Дженника часто напевала ее, хотя сама песня постарше ее.

Молча пожимаю плечами и смотрю на небо, надеясь сосредоточиться. От последней дозы лекарств голова у меня какая-то легкая и пустая, и мне кажется, что я могу выплыть из окна, взлететь к облакам и никогда не вернуться обратно. Дженника тормозит на светофоре.

– Дайра, что ты все-таки им сказала?

Когда Дженника говорит непреклонным тоном, это означает, что она от меня не отстанет. Я сползаю пониже на сиденье и опускаю голову. Мои распущенные волосы, как занавес, скрывают лицо.

– Я вообще почти не говорила. Какой смысл защищать себя, когда все вокруг уже убедились в худшем.

Она сжимает зубы и стискивает руль: побелевшие костяшки пальцев сразу проступают сквозь кожу. Ее одолевают сомнения. Наконец она тормозит напротив небольшого торгового центра: химчистка, маникюрный кабинет, салон тату и винная лавка, на двери которой висит объявление о воскресных скидках на пиво.

– Дайра! – сердитый голос Дженники перекрывает пение Джоплин, но «Бобби МакГи» сменяется «Белым кроликом»⁹, и она убавляет звук. – Они собираются госпитализировать тебя!

⁸ Песня 1969 года из репертуара Дженис Джоплин об одиночестве и потерянной любви.

⁹ Песня из репертуара Дженис Джоплин, повествующая о безумных приключениях Алисы в Стране чудес.

Она сопровождает свою реплику мрачным взглядом и трясет головой. Я сглатываю ком в горле и прикусываю губу. Мне слышно, как она яростно сопит. Потом шумно вздыхает, стараясь успокоиться.

– Ты хоть понимаешь, что это значит?! – спрашивает Дженника, пребывая на грани истерики. – Ни одно из прописанных лекарств на тебя не действует! Не знаю, что еще я могу сделать для тебя! Не представляю, как тебе помочь! Но если ты будешь продолжать настаивать...

Она на секунду замолкает.

– Если ты по-прежнему будешь настаивать, что твои галлюцинации реальны, то у меня не останется другого выхода, кроме...

– Нет!

Я разворачиваюсь лицом к Дженнике и смотрю прямо в ее зеленые глаза, так похожие на мои собственные. Только у мамы они накрашены лиловыми перламутровыми тенями, а у меня вместо косметики – черные круги.

– Светящиеся люди настоящие! И вороны тоже! Я не виновата, что их никто больше не видит!

Дженника становится совсем несчастной.

– Вот в чем проблема! Врачи говорят, что именно так заявляют все больные в твоём состоянии.

– В моем состоянии? – переспрашиваю я и пялюсь в окно.

Местный пейзаж предлагает полюбоваться лавкой импортной мебели, вегетарианским кафе и салоном гадалки с мерцающим неоновым глазом на витрине.

– Ты в курсе, Дайра.

Что-то в ее тоне напоминает мне об этих самодовольных докторях, якобы исследовавших мой случай. Я не выдерживаю и выпаливаю все, что накопилось в душе:

– Нет, Дженника! Понятия не имею, о чем ты толкуешь. Я, конечно, догадываюсь, что тебе тяжело, но и мне тошно! Во-первых, я отупела от дряни, которой меня накачивают, во-вторых, я – полумертвая от жутких существ, которые, кстати, вполне реальны. Позволь тебе сказать, что время на самом деле останавливается. Бывают моменты, когда мир почему-то замирает. И я вовсе не страдаю от внезапно начавшихся подростковых проблем, это тянется уже довольно долго. Помнишь, что я тебе говорила, когда мы были на съемках в Новой Зеландии? Видения не прекратились – я просто перестала о них упоминать. А тебе ни разу не приходило в голову, что ты ошибаешься? И все устроено сложнее, чем думаешь ты и твои умники в белых халатах? Тебе хочется найти какое-то логичное и подтвержденное наукой объяснение, но его не существует!

Я сжимаю кулаки.

– Я надеюсь, что ты хоть один-единственный раз мневеришь! Чтобы хоть поняла, что я говорю правду!

Мой голос срывается на высокой ноте, совершенно не подходящей к спокойному кварталу Венис-Бич, где живет Харлан. Дженника припарковывает машину на подъездной дорожке, а я вылетаю из салона и бегу в дом. Достаю ключ, который дал нам Харлан, и торопливо открываю дверь.

– Послушай, я измотана. Таблетки как раз начинают действовать...

Сразу за порогом колени у меня подгибаются, и я чувствую, как Дженника подхватывает меня под руки и волочет к софе. Она укладывает меня на мягкие желтые простыни и подтыкает со всех сторон покрывало. А потом я падаю в пустоту, словно в омут.

Разбудил меня сигнал мобильного Дженники. Леди Гага успевает допеть до второго куплета, пока Дженника не выскакивает из кухни и не хватает телефон со стеклянного мозаичного столика.

Она что-то тихо отвечает, затем бросает взгляд на меня и, убедившись, что я не сплю, произносит нормальным голосом:

– Да, это Дженника.

Внезапно она удивленно хмурится и буквально падает на ближайший стул.

– Кто?! – восклицает она и машинально подносит к губам бутылку с диетической колой, но быстро забывает про нее и ставит на пол, не сделав ни глотка.

Прислушиваюсь, тщетно пытаюсь понять, с кем она разговаривает. Дженника явно на взводе: она нервно теребит серебряное ожерелье, которое часто надевает в последние дни.

– Простите, но... Если вы действительно та, за кого себя выдаете, то почему вы появились именно сейчас? И где вы были? Я хотела с вами связаться, но вы как сквозь землю провалились!

Внезапно она замечает, что я наострила уши, и уходит на кухню. Я лежу не шевелясь. Но на самом деле дожидаюсь, пока она не отодвинет стул от обеденного стола. Когда я слышу знакомый скрип, прокрадываюсь к двери и прижимаюсь к стене возле косяка.

Пытаюсь вспомнить, когда последний раз слышала от нее подобную фразу. Люди у нас долго не задерживались – другой вариант Дженнику не устраивал, но только одного человека она всегда описывала «как сквозь землю провалилась». Это – неуловимая мать моего отца. Моя давным-давно исчезнувшая бабушка, которая, по словам Дженники, испарилась, даже не дождавшись конца похорон собственного сына. И ее вроде бы зовут Палома Сантос.

– Ладно, – тем временем кивает Дженника. – Предположим, вы – Палома. Но вы не ответили на мой вопрос. Почему вы объявились сейчас, спустя почти семнадцать лет? Что вам нужно? Вы хоть понимаете, сколько всего вы пропустили в жизни вашей внучки?

Я и понятия не имею, что говорит Палома. Дженника неожиданно замолкает и тихо ахает. Потом она неуверенно произносит:

– Как вы узнали? Нет, вы не можете с ней побеседовать. Не самый удачный момент.

Подбираюсь поближе к двери и потихоньку заглядываю в кухню. Дженника сидит за столом, прижав к уху телефон. Теперь она тараторит, и ее речь сливается в несвязный поток:

– Какая она? Красивая, умная и очень похожа на отца. Зеленоглазая, со светлой кожей, но остальное она унаследовала от него. Мне жаль, Палома, что вы не повстречались с ней, но у нас сложный период... Был один инцидент... И пока я... Что?! – Она резко выпрямляется и еще крепче вцепляется в телефон: – Откуда вам известно?

Она поворачивается к двери, скорее из осторожности, а не потому, что почувствовала мое присутствие. Я успеваю спрятаться за косяк, а через несколько мгновений опять начинаю слежку. Дженника рассеянно поправляет подол своей винтажной футболки с концерта «Блонди» и внимательно слушает Палому. Это продолжается слишком долго, и я буквально лопаюсь от любопытства. Какие секреты может поведать моя бабка?

– Да, я помню, – произносит Дженника, рассеянно разглядывая узор деревянной столешницы. – Он любил вас и бесконечно уважал. Но он хотел жить своей жизнью. Он собирался уехать из Нью-Мексико. Вы, наверное, думаете, что после трагедии с ним общение с Дайрой даст вам еще один шанс? Увы...

Ее слова звучат жестко, но Дженника выглядит абсолютно потерянной и убитой.

– Ее лечат. В основном дают успокоительные. Первый врач, в Марокко, делал уколы какого-то сильного седативного средства, но его не хватало. Никакие препараты не действуют. Врачи пробуют разные дозы и надеются, что рано или поздно подберут подходящее лекарство. Она для них – прямо подопытная свинка, а в последний раз они заявили мне, что почти исчерпали имеющиеся возможности. Им придется...

Она умолкает и закрывает лицо рукой. Ей требуется минута или две, чтобы продолжить:

– Они решили поместить ее в лечебницу. Держать под замком и постоянным наблюдением. Если честно, я уже отчаялась. Пока взяла отгулы, но скоро мне надо возвращаться на работу. Мне нужно зарабатывать, платить по счетам, и я больше не могу брать ее с собой. Ей запретили летать, но в любом случае ее нельзя держать постоянно на таблетках или привязывать к кровати. А вы как с неба свалились. Ничего себе совпадение, да? – неуверенно смеется она.

Теперь она сутулится на стуле и изредка вставляет короткие реплики:

– Травы? Серьезно? Палома, вы не видели, что с ней творится! А я знаю, на что она способна! То есть у меня нет другого выхода? Я растила ее шестнадцать лет! Простите, но почему вы так считаете? Джанго ведь едва исполнилось семнадцать, когда вы его потеряли!

Я готова ворваться на кухню и заявить, что все слышала – по крайней мере, Дженнику, – и мне это совсем не нравится. Они обсуждают мое будущее, не спрашивая моего согласия. А у меня может быть свое мнение.

Протягиваю руку, чтобы схватить маму за плечо, но она поднимает голову, ничуть не удивленная тем, что я подслушивала. Дженника небрежно держит телефон в тонких длинных пальцах с обкусанными ногтями, тушь у нее расплылась, глаза покраснели, а улыбка напоминает гримасу.

– Дайра, это твоя бабушка, – хрипло говорит она.

Глава 4

– Закрой окно, чтобы я включила печку, а то в машине холодно.

Я искоса ядовито смотрю на Дженнику, но она, конечно, привыкла к моим взглядам, и они на нее больше не действуют. Наверное, у нее выработался иммунитет и к моим насмешкам, и к возражениям.

Подтягиваю колени к груди, упираюсь пятками в край сиденья и продолжаю играть с кнопкой, управляющей стеклом. Нажмешь – оно едет вверх, отпустишь – останавливается. Нажать посильнее и сразу отпустить. Стекло поднимается короткими рывками, но Дженника не обращает на меня никакого внимания. Она настраивает радио – совершенно правильно рассудив, что если игнорировать мои фокусы, то мне самой скоро наскучит.

В итоге я съеживаюсь на сиденье, стараясь стать меньше, притвориться, что я где-то в другом месте. Прижимаюсь лбом к стеклу и выдыхаю облачко пара.

– Мне трудно поверить в то, как ты со мной поступаешь, – ворчу я в сотый раз.

Надо отдать должное Дженнике, она ограничивается лишь несколькими словами:

– Дайра, как ты помнишь, мы все обсудили и пришли к выводу, что это – наилучшее решение.

– Но ты понимаешь, что это все равно что отказаться от меня? – сердито бросаю я и стискиваю зубы.

Она молчит.

– Дженника! – Я принимаюсь вертеться, но Дженника ровно держит руль и смотрит строго перед собой на убегающую под колесами дорогу. – Ты передашь меня с рук на руки чокнутому старику, чтобы тот отвез меня к чокнутой старухе, у которой я буду жить. Ты сама видела ее только лишь однажды! На кладбище! Кем вообще надо быть, чтобы слинять с похорон собственного сына? – Я даже не даю ей времени ответить, продолжая свой монолог: – А мы мчимся через полстраны, чтобы ты могла сбавить меня и избавиться от проблемы! Отлично придумано, Дженника! Нет, правда, ты прямо пример для других родителей.

Я сжимаю кулаки, и ногти больно врезаются в ладони, оставляя синеватые следы. «Уймись, – говорю я себе, – не трать время зря. Но я основательно завелась, и дальше будет только хуже. Хотя я могу злиться, скандалить или вести себя вежливо – результат будет один и тот же». С тех пор как позвонила Палома, я перепробовала всевозможные варианты, но приговор остался в силе.

– У меня не было альтернативы, – произносит Дженника и прищуривается. – Я могу или отправить к бабушке, или позволить врачам упечь тебя в лечебницу. Там тебя будут пичкать лекарствами, пока не придумают что-нибудь новое. Ты права, мы с Паломой едва знакомы, но твой отец обожал ее и никогда не сказал о ней ничего дурного. В общем, если она тебе не поможет, тогда мы подумаем, что делать дальше. Но Палома сразу сообщит мне, помогает ее метод или нет.

Я презрительно кривлю губы.

– И ты ей поверила? Ты уверена, что она не даст мне наркотики, а то еще что похуже? А тот тип, который встретит меня? Ты же никогда не видела этого старика, вдруг он извращенец или серийный убийца? Или и то и другое вместе взятое?

Мои обвинения повисают между нами, как преграда, как непреодолимый барьер. Но Дженника внезапно выпаливает:

– Я верю тебе.

Я теряю дар речи.

– Допускаю, то, что ты испытываешь, – абсолютно реально для тебя, даже если я сама не способна это увидеть. Но у нас появился шанс, и мы должны его использовать. Меня уби-

вает, что я вынуждена беспомощно наблюдать, как ты мучаешься, Дайра. Я – твоя мать, но у меня не получается облегчить твою боль... Любые мои решения, похоже, только заставляют тебя страдать еще сильнее. Поэтому я согласилась с Паломой. Ведь она – твоя бабушка. И, к твоему сведению, я не собираюсь отпустить тебя одну в компании убийцы и извращенца, как ты изволила его назвать. Он – весьма уважаемый ветеринар и старинный друг Паломы. Я специально погуглила его имя.

– Ах, ты погуглила? Замечательно! Раз ты провела серьезное исследование, мне беспокоиться незачем! – взрываюсь я. – А по поводу моего отца... Если она такая распрекрасная, то почему он сбежал из дома в шестнадцать лет?

Я засовываю палец под бинты и нащупываю заживающие царапины на руке. Мне интересно, что ответит Дженника.

– Джанго бежал вовсе не от нее, а от душающей атмосферы маленького городка.

– Потрясающе! – мой голос сочится сарказмом.

Выразительно фыркаю и откидываю волосы с лица:

– Что ты несешь? Тебе пришлось по душе идея засунуть меня в затхлую дыру, из которой едва унес ноги мой отец.

– А ты предпочитаешь отправиться в лечебницу?

Взгляд ее зеленых глаз упирается прямо в меня. Она откидывает розовую прядь волос, убирает ее за ухо и продолжает:

– Ведь травы, которые посоветовала Палома, тебегодились. И тебе стало лучше, Дайра.

– Подумаешь, – бурчу я. – А ведь у нас есть еще одна возможность! Я могу продолжать принимать травы и поехать с тобой в Чили.

– Нет, – заявляет Дженника. – Исключено. Только Палома окончательно избавит тебя от... этой проблемы. Ну а мы с тобой постоянно будем на связи. Я буду звонить каждый день. И писать! Когда закончатся съемки, я прилечу первым самолетом.

Дженника шутливо протягивает мне мизинец, ожидая, что я сцеплю наши пальцы в привычном жесте. Серебряное кольцо сверкает на солнце. Но я киваю и неискренне улыбаюсь:

– Значит, спорить бессмысленно. Буду квартировать у помешанной знахарки, с кучей странных дружков, наверняка извращенцев и маньяков. Ладно, если выживу, то напишу мемуары. А если нет – упомянешь меня в своих.

Дженника только качает головой, и я понимаю, что довела ее до предела:

– Она не знахарка.

Ноздри у нее подрагивают, и крошечный бриллиант, продетый в левую ноздрю, поблескивает.

– Она – травница. Дайра, я все понимаю, ты не в настроении, считаешь, что тебя предали, и боишься. Мне ужасно не нравится ситуация, в которую мы угодили, и тебя жалко... но ты хоть один раз задумалась, а каково приходится мне?

Наступает пауза.

– Мне нелегко! – восклицает она. – Дайра, ты – единственный человек, которого я люблю. И если что-нибудь случится...

Голос Дженники прерывается, на глаза наворачиваются слезы.

– Если с тобой что-то случится, я никогда себе этого не прощу! Поэтому у нас остаются два варианта, ни один из которых мне особенно не нравится. Но ты согласишься, что пожить у бабушки – является меньшим из зол.

Демонстративно качаю головой, но желание спорить покинуло меня. Я молча таращусь в окно. Оглядываться на прошлое не хочется, а непонятное будущее страшновато. Крепко

зажмуриваюсь, стараясь не паниковать. Увы, действия трав хватает ненадолго. Скоро мир замрет, и светящиеся люди вновь предстанут передо мной.

Меня не тянет к Паломе. Меня пугает мысль, что Дженника бросит меня, я застряну в Нью-Мексико, а она поедет в аэропорт Феникса и улетит в Чили. Но я не могу избавиться от крохотного лучика надежды. Что, если Палома меня спасет от равнодушных безликих людей в белых халатах с рецептами и острыми иглами наперевес. Пока, во всяком случае, она – единственная, кто не сказал мне, что я чокнулась.

– Ладно, разбуди меня, когда приедем, – бормочу я и поудобнее устраиваюсь на сиденье.

Не хочу видеть светящиеся силуэты, выстроившиеся вдоль шоссе. Я не сомневаюсь: они не оставят меня в покое, пока я не исполню то, о чем они просят.

Глава 5

Мы встречаемся на поляне. Почему-то это всегда происходит именно здесь. Понятия не имею, как я сюда попала. Деревья вздымаются ввысь, а листья подрагивают под слабым ветерком. Огромный ворон поглядывает на меня лиловыми глазками, и вдруг я замечаю, что позади меня кто-то стоит.

У меня перехватывает дыхание, жар заливает лицо. Оборачиваюсь и вижу ошеломляюще красивого смуглого парня. Колени у меня подгибаются, сердце начинает стучать с перебоями.

– Дайра.

Может, мне показалось, что он произнес мое имя? Просто подумал обо мне, а я услышала его мысли? Ведь я не заметила, как шевелились его губы. Но сказанное заставляет меня счастливо улыбаться. Его глаза – синие, как лед, зрачок окружен золотистым ободком. Я отражаюсь в них. Черные волосы юноши волной спадают на спину. У него гладкая шелковистая кожа. Он спокоен и расслаблен, руки опущены, но я знаю, какое наслаждение они способны подарить.

Он ведет к бурлящему горячему источнику и жестом показывает, что я должна войти в воду. Мое намокшее платье становится прозрачным и облепляет меня, как вторая кожа. Я оказываюсь на другой стороне и с нетерпением жду, когда он присоединится ко мне.

Я предвкушаю ощущение его губ и пальцев, исследующих мое тело. Он нежно покусывает мою шею, потом расстегивает мое платье, стягивает его с плеч и смотрит на меня в немом восхищении...

Рука Дженники с наманикюренными голубыми ногтями трясет меня, пока я не просыпаюсь:

– Эй, Дайра, очнись! Мы почти на месте.

Вытягиваю ноги и разгибаю затекшую спину. Мне требуется время, чтобы прийти в себя, моргнуть и осознать, где нахожусь.

Я уже видела раньше этот сон, и он мне очень нравится. Какое счастье, что врачам не удалось прогнать видение! Упираюсь ладонями в крышу машины, мысленно видя перед собой блестящие волосы и манящий взгляд льдистых глаз. Странно, но, похоже, он меня знает. Приятно, что у меня есть такой возлюбленный. Он снится мне уже около полугода, так что на данный момент это – моя самая длительная связь.

Дженника тормозит возле ресторанчика, сверяется с часами.

– Мы слишком рано приехали.

Встряхиваю головой, и образ юноши рассыпается, как детский замок из песка. Я пытаюсь сохранять хладнокровный и бесшабашный вид, но мне нехорошо: пульс участился, ладони стали влажными.

– Надо же, а он приехал еще раньше нас. – Дженника кивает на высокого, смуглого, крепко сложенного мужчину, который выбирается из выцветшего голубого грузовичка-пикапа.

– Уверена, что это он?

Незнакомец пересекает парковку и толкает грязную стеклянную дверь придорожной забегаловки. Прищуриваюсь, пытаюсь получше его разглядеть. А вдруг он на самом деле подозрительный извращенец-маньяк, как я опасалась? На нем темные джинсы, ковбойские сапоги и накрахмаленная белая рубашка. Волосы заколоты в хвост.

– Палома мне его описала, – нервно отвечает Дженника. – Ну что, спросим? – Она судорожно сжимает мое плечо, открывает дверцу и вылезает из машины.

Я плетусь за ней в ресторан, еле волоча ноги по потертому серому полу, склонив голову так, чтобы волосы скрыли лицо. Не хочу, чтобы он на меня пялился. Сначала я должна сама получше изучить его. Галстук-шнурок мужчины украшен бирюзой и выделяется на фоне накрахмаленной ткани. У него широкий нос, высокие скулы и удивительные темные глаза, наполненные такой добротой, что я невольно расслабляюсь. *«Я в надежных руках»*, – закрадывается мне в голову мысль, но я гоню ее прочь. Я ничему не могу сейчас верить. Кроме того, он должен заслужить мое уважение.

Мы с Дженникой направляемся к самой последней кабинке, где сидит незнакомец. При нашем приближении он встает, двигаясь удивительно легко для человека его возраста. И хотя я мечтаю обнаружить в нем недостатки, чтобы было за что его возненавидеть, я должна признать, что давно не видела такой открытой и душевной улыбки.

Он представляется, как Чэйтон.

– Можно просто Чэй, – приветливо произносит он.

Мне нравится его рукопожатие: одновременно твердое и искреннее. А то некоторые держат твою руку осторожно и вяло, лишь потому, что ты – девушка.

Усаживаюсь напротив него, придвигаясь к стене, а Дженника опускается рядом со мной. Чэй чуть склоняется к нам. Он не болтает о спорте, погоде или еще о какой-нибудь светской ерунде, а сразу переходит к делу:

– Я даже не пытаюсь представить себе, что ты чувствуешь. Это известно только тебе. Но отсюда до Альбукерке ехать около семи часов. И потом еще три часа до городка, где живет твоя бабушка. Путь предстоит неблизкий... Все будет так, как ты захочешь: будет настроенное поговорить – отлично, нет – тоже не страшно. Если ты проголодаешься, устанешь или захочется размять ноги, мы где-нибудь отдохнем. Если ты предпочитаешь добраться поскорее, мы вообще можем не останавливаться, не считая заправок. Мне ничего от тебя не нужно, но, пожалуйста, скажи, что мне сделать, чтобы тебе было удобно? У тебя есть какие-нибудь вопросы?

Я медлю... Тщательно подготовленная речь о том, что со мной шутки плохи, явно не требуется. Поэтому мотаю головой, не поднимая глаз от меню. Я с таким усердием тарашусь на глянцевые фотографии гамбургеров, салатов и пирогов, как будто меня по ним экзаменовать будут. Но когда к нам подлетает официантка, я долго обдумываю свой заказ. Скорее всего, я и есть-то не стану.

Дженника просит принести ей кофе со сливками. Дескать, она перекусит в аэропорту или в самолете, а сейчас слишком волнуется, и ей кусок в горло не идет. Чэй плюет на пропаганду здорового питания и заказывает большую порцию орехового пирога с шариком ванильного мороженого. Что же, это прибавляет ему очков. Я бы тоже выбрала сладкое, но в итоге я «ограничиваюсь» чизбургером, картошкой и колой. Если беседа станет неприятной, будет чем занять внимание.

– Как Палома? – интересуется Дженника.

– Неплохо, – отвечает Чэй.

Я замечаю на его пальце замысловатое серебряное кольцо. Насколько могу судить, это голова орла с темно-золотистыми камешками вместо глаз.

– А чем она занимается? Я в курсе, что она по-прежнему выращивает травы, а что еще? Она целительница? Ведь я ее не видела с похорон Джанго, а тогда она прямо исчезла. Как сквозь землю провалилась. Странно, не правда ли?

Бросаю осторожный взгляд на Чэя. Как он отнесется к пулеметной очереди Дженники? Забавно, но Чэй безмятежно, я бы даже сказала, методично отвечает на все вопросы:

– Она живет в своем маленьком доме. Сад у нее просто отличный, и денег ей хватает. Семнадцать лет, конечно, долгий срок, но я считаю, что каждый горюет по-своему.

Дженника ерзает и кусает губы. Она готовится выдать следующую тираду, но Чэй внезапно обращается ко мне:

– А как ты себя чувствуешь, Дайра? Я слышал, травы тебе помогли?

Почему-то я догадываюсь, что он моментально распознает, если я солгу.

– Верно. Но, когда действие прекращается, видения начинаются снова.

На лице Дженники поочередно отражается шок, обида и гнев. Официантка расставляет еду на столе, но как только та отходит, Дженника раздражается сердитым монологом:

– Ты же говорила, тебе лучше! Дайра, ты что, обманывала меня?

Глубоко вдыхаю, вытягиваю картофельную соломинку с тарелки и верчу ее, прежде чем кинуть в рот и взять следующую.

– Нет. Мне действительно лучше.

Опускаю голову и отпиваю плоток кока-колы, пользуясь случаем, чтобы взглянуть на Чэя. Однако он усердно поедает ореховый пирог, благоразумно не вмешиваясь в наши с Дженникой разборки.

– После трав я не становлюсь тупой и сонной, как от лекарств. Но видения меня до сих пор мучают. Впрочем, сделать ничего нельзя. Ну, и какой смысл обсуждать их? Ты бы еще больше беспокоилась.

Решаю попробовать гамбургер, но аппетита нет, поэтому я кладу его обратно. Дженника хмурится, уставившись в свою чашку. Наступившее молчание кажется напряженным и предвещающим грозу, но я рада тишине. Дженника пьет кофе, я вожу картофельным ломтиком по тарелке, а Чэй старательно расправляется с мороженым. Затем промокает губы салфеткой, откидывается на спинку красного кресла и заявляет:

– Пища, которую мы едим, вбирает в себя энергию, с которой ее готовили. Как и ту, с которой ты сам приступаешь к еде. Если энергия плохая, будет невкусно. – И он по-доброму кивает на мой гамбургер.

Потом достает бумажник, расплачивается, оставив щедрые чаевые, и мы покидаем ресторанчик. Жизнь моя неотвратимо меняется за те несколько минут, которые нужны, чтобы переложить черную дорожную сумку из нашей машины в древний пикап с номерами Нью-Мексико.

Дженника обнимает меня, и мы стоим, прильнув друг к другу, шепча несвязные извинения. Наконец я набираюсь смелости и отстраняюсь. Мне требуется собрать всю волю в кулак, чтобы улыбнуться ей и помахать на прощанье.

Чэй уже завел грузовичок. Я забираюсь в кабину, и мы выезжаем на шоссе, направляясь в крошечный городок, где мне пообещали спасение.

Глава 6

Я провожу всю поездку в полудреме, временами читая или просто глаза в окно. И лишь когда мы пересекаем границу штата Нью-Мексико, я открываю подаренный Дженни-кой кожаный блокнот. Пожалуй, мне стоит записать свои впечатления, даже если ничего особенного я и не жду.

Увидеть место непредвзятым взглядом можно только раз. Впрочем, даже тогда на тебя оказывает влияние твое собственное прошлое. А после того, как ты где-то обосновалась и завела знакомых, – о непредвзятости можно забыть. С этого момента твое мнение полностью зависит от самых разнообразных впечатлений – и положительных, и отрицательных. Только самый первый взгляд, когда разум еще не ничем забит, дает самую правдивую картинку.

Открываю обложку и пишу: *«Перекасти-поле»*, наблюдая, как целая стайка сухих кустиков неспешно пересекает шоссе. Чэй умело лавирует между ними, не снижая скорости. Потом: *«Небо – ярко-синее и беспредельное. Солнце похоже на громадный огненный шар. Когда день сменяется ночью, небо становится бесконечно далеким»*. И добавляю: *«По-моему, я еще никогда не видела ничего подобного»*. Подчеркиваю последнюю фразу чтобы вспомнить это ощущение.

Карандаш бежит по странице, еле поспевая за моими мыслями. А пейзаж стремительно меняется. Скудная пустошь, заросшая бурыми или пожухлыми зелеными кустами, пылает сочными красками. Рыжая земля пестрит яркими травами, вдалеке вздымаются скалистые плоскогорья, прорезанные глубокими каньонами.

– Ничего себе! – шепчу я.

Здесь все огромное. Поистине безграничное. Ландшафт приобретает космические масштабы и тянется без конца и края.

И хотя я сама решила приехать сюда, мне уже понятно, как будут давить на меня просторы Нью-Мексико. В душе вспыхивает внезапная острая тоска по моей прежней жизни – почти физическая боль, излечить которую могла бы безумная суeta съемочной площадки с ее четкими границами и рамками.

– Добро пожаловать в страну Очарования! – улыбается Чэй.

– Мы уже приехали? – спрашиваю я, озираясь по сторонам в поисках «цивилизации».

– Страна Очарования – это прозвище штата Нью-Мексико, – смеется Чэй, – низкий и приятный, – но до городка Очарование, где живет твоя бабушка, ехать еще прилично. На другой стороне перевала есть заправка. Остановимся там, заодно ноги разомнем. Как тебе такой план?

Киваю, закрываю блокнот и убираю карандаш. Я взволнованна и не могу делать ничего, кроме как таращиться в окно, ожидая наступления ночи, которая скроет от меня пугающий ландшафт.

Чэй вырывается к свободной колонке на парковке. Вылезаю из машины и сладко потягиваюсь. Широко зеваю и вдыхаю воздух Нью-Мексико. По-моему, здесь гораздо суше, чем в Лос-Анджелесе или Фениксе. Наверное, сказывается высота над уровнем моря. Наклоняюсь к земле, касаясь кончиками пальцев зернистой поверхности асфальта, стараясь не замечать боли в усталых и затекших мышцах.

– Может, купишь нам пару-тройку банок колы? – Чэй лезет за бумажником, но я отмахиваюсь и направляюсь к магазинчику с вывеской «Kwik-E Mart»¹⁰. Захожу внутрь, и мой желудок выбирает самый неподходящий момент, чтобы издать громкое предательское урча-

¹⁰ Игра слов. Kwik-E Mart – вымышленный магазинчик из мультсериала «Симсоны», пародия на американские супермаркеты.

ние. Но при виде упаковок фастфуда мне невольно становится жаль своего нетронутого чизбургера с картошкой.

Брожу между полок, набирая в охапку пакеты с конфетами, чипсами и пончиками, прихватываю две литровые бутылки содовой – для себя и для Чэя. Кинув сверху пачку мятных пастилок, вываливаю груз на прилавок и обмениваюсь с кассиршей вежливой, ничего не значащей улыбкой. Пока она пробивает чек, пролистываю бульварные журнальчики.

Дженника терпеть не может, когда я это делаю, каждый раз не забывая напомнить, что большинство напечатанных историй является выдумкой или сфабриковано самими участниками событий. Но мне трудно лишить себя подобного удовольствия: прикол в том, чтобы отгадать, какие из сплетен – полная туфта, а какие – нет.

Традиционно начинаю с самого дешевого и скандального издания. Из тех, что годами специализируются на похищениях людей инопланетянами и сенсационных явлениях призрака Элвиса. Я знаю, что мои ожидания не будут обмануты. Я читаю про мстительный дух покойного режиссера, который терроризирует знаменитую актрису из-за продюсируемого ею кошмарного римейка его фильма.

Затем мельком проглядываю следующую статью. Она повествует о том, что старлетки, носящие пышные блузки, скрывают беременность. Наконец, хватаю самый уважаемый из журналов, на обложку которого (втайне или открыто) мечтают попасть практически все восходящие звезды. На этой неделе издание украшает нарочито простецкая фотография...

– С вас двадцать один доллар шестнадцать центов.

Девушка называет сумму, но я почти не слышу, что она говорит, с трудом разбираю смысл слов. Прилавок, куча дешевой еды, сама продавщица бледнеют и уплывают на задний план, и остаюсь только я и глянцева обложка. Меня трясет. Щеки горят, и мне трудно оторваться от пронзительных голубых глаз, золотистой кожи, копны светлых волос, ленивой усмешки и поднятой в приветственном жесте перевязанной руки. Конечно, в приветственном! Вейн может сколько угодно притворяться, что он пытается заслониться от назойливого объектива телекамеры, но он обожает папарацци. Значит, благодаря мне он разрекламировал себя на полную катушку!

– Эй, с тебя двадцать один шестнадцать, – раздраженно рявкает девица. – Если берешь журнал, то еще три пятьдесят.

Я даже не отвечаю, застыв на месте. Бумага сминается под липкими пальцами, и типографская краска пачкает мне ладони. «На трассе Вейн Вика проблемы!» – гласит заголовок.

Пресса любит обыгрывать сходство его имени с названием вечно забитого транспортом шоссе Ван-Вик, которое как раз ведет к замусоренному аэропорту Кеннеди. Вейн родом из богом забытой дыры под названием Поданк, которая находится возле Нью-Йорка, так что замысловатое прозвище ему нравится. Впрочем, он любит славу в любой форме.

На фотографии лицо у него сплошь покрыто царапинами и темными синяками, а левая бровь рассечена надвое. Однако он выглядит еще привлекательнее, чем обычно. Царапины придают ему крутость в сочетании с уязвимостью. Складывается впечатление, что перед тобой – парень, которому не впервой бывать в передрягах.

И если раньше он был просто симпатичным, то теперь парень стал неотразим. Кстати, похоже, про меня здесь тоже что-то есть: в нижнем правом углу страницы поместили мою маленькую фотку. Я сразу вспоминаю, как Вейн щелкнул меня на телефон, несмотря на мои протесты. Зачем снимать друг друга, если заранее ясно, что это короткий, ничего не значащий романчик? Вот поэтому, когда он навел на меня камеру, я недовольно скривилась в ответ.

Вейн рассмеялся и пообещал стереть фото, а я поверила ему на слово. И вообще, я и представить не могла, что он использует «улику» против меня. А теперь журналисты окрестили меня «Адская фанатка». Ага, вот оно: «Безумная поклонница напала на Вейна Вика!»

И дальше: «Актер, сама доброта, сказал, что решил не подавать в суд. Он надеется на то, что девушке окажут помощь, в которой она явно нуждается. Читайте на с. 34!» Стоп. С меня хватит.

То, что Вейн вовсе не такой приятный человек, как о нем отзываются, я и раньше подозревала, но была уверена, что он меня не заложит. Увы, я ошиблась. А его агентша, конечно, не особенно старалась замять инцидент, что бы там ни говорила Дженника. Наверняка сама же и щелкнула его тайком, подождав, пока синяки не проявятся как следует. В принципе голливудская кухня мне известна. Голливуд живет подобными сенсациями. И теперь, разумеется, звезда Вейна Вика разгорится еще ярче.

– Слушай, ты берешь журнал или нет? – ворчит кассирша.

Между прочим, делать ей совершенно нечего, я – единственный покупатель в магазине, а когда я вошла, она книжку читала.

Мне хочется швырнуть издание обратно на стопку с желтой прессой, но фотографии словно каленым железом выжжены у меня в памяти. С минуту стою в нерешительности, но понимаю, что обложка измята, абсолютно испорчена и мне неудобно уйти, не заплатив.

– Посчитайте, пожалуйста.

Дрожащими пальцами отдаю девушке деньги, отказываюсь от сдачи, поворачиваюсь к двери и с ходу налетаю прямо на Чэя. Он хватает меня за плечи, чтобы я не упала, в его голосе звучит сдержанная тревога:

– Может, пора выпить отвар?

Молча выскальзываю из его рук. Мне не хочется объяснять, что дело не в видениях. Меня беспокоит реальность. История с Вейном наверняка гуляет по Интернету и вскоре появится в каком-нибудь дрянном телевизионном шоу. Рву обложку на мелкие клочки, кидаю журнал в мусорку и бегу к машине. Вид у Чэя озабоченный. Протягиваю ему бутылку содовой и устраиваюсь на сиденье:

– Я в порядке. Просто хочется добраться поскорее.

И внезапно понимаю, что это правда.

Глава 7

По дороге Чэй упомянул, что Палома живет в глинобитном домике. Но мы уже час как съехали с шоссе и трясемся по ухабистой грунтовке. Освещения нет, если не считать луну. Я устала щуриться и вглядываться в мелькающие постройки, пытаюсь понять, какая из них принадлежит Паломе.

Жилищ из саманного кирпича здесь полно. Впрочем, попадаются и деревянные, есть трейлеры, но в основном стоят именно саманные, что придает местности типичный вид мексиканской деревушки-пуэбло.

В Нью-Йорке – небоскребы и старые здания из бурого кирпича, на северо-западе тихоокеанского побережья любят обшитые досками фасады. В Южной Калифорнии есть всего понемногу, хотя преобладает средиземноморский стиль. А в Нью-Мексико предпочитают простые прямоугольные домишки с плоскими крышами. У них чуть закругленные углы, и глина напоминает пропеченную землю.

Чэй не останавливается, и пикап минует одно здание за другим. К тому времени, когда он наконец тормозит перед высокими голубыми воротами в гладкой изогнутой стене, я настолько взвинчена от переживаний и всякой сладкой дряни, что и среагировать нормально не могу.

– Приехали, – говорит Чэй, улыбаясь мне той же доброй улыбкой, что и в начале путешествия.

Удивительно, но десять часов, проведенных за рулем рядом с надутым подростком, никак не повлияли на его настроение.

Чэй достает мою сумку, закидывает ее на плечо и жестом приглашает меня следовать за ним. Створки ворот пронзительно скрипят, когда их открывают. Чэй бормочет, что надо смазать петли, и пропускает меня вперед. Я застываю на вымощенной камнями дорожке.

Не хочу быть первой. Я не знаю, как выглядит Палома и какой у нее характер. Меня пронзает запоздалая мысль, что я могла бы использовать свободное время с большим толком. Я даже не попыталась вывести у него ее тайны и секреты, а лишь жевала, читала и грезилась о призрачном смуглом юноше. Да уж, молодчина.

Хоть проси Чэя вернуться в «Феникс», чтобы преодолеть маршрут заново! Но едва я успеваю подумать об этом, как дверь дома распахивается и на пороге возникает женский силуэт.

– *Ньета!*¹¹ – ласково восклицает Палома глубоким грудным голосом.

Но я не могу ее рассмотреть. Передо мной – просто темный абрис, очерченный желтоватым светом, падающим из комнаты.

Палома делает шаг по направлению ко мне и становится под лампой, висящей на террасе. Она поднимает тонкую руку и протягивает мне. В глазах у нее – слезы радости, щеки порозовели, она вновь повторяет:

– Внучка, моя дорогая внученька!

Неуверенно переминаюсь с ноги на ногу. Она такая крошечная, что я кажусь себе неуклюжей громадиной. Что мне делать? Ответить на рукопожатие – как-то формально, а к родственным объятьям я не готова. Теоретически я понимаю, что она – моя бабушка, но сейчас я вижу просто привлекательную и нестарую женщину. Ее нос и темные волосы похожи на мои. Правда, в прядях пробивается седина, которая поблескивает, как елочный дождик.

¹¹ Ньета (nieta – исп.) – внучка.

Поэтому я неразборчиво бурчу «здравствуйте» и умолкаю. Мне неловко за свою невежливость, но это – мой максимум на сегодня. Впрочем, если она и обиделась, то ничего не показывает. Продолжая радостно улыбаться, Палома подталкивает меня внутрь:

– Заходи, деточка! Уже поздно, да и холодно на улице, а ты приехала издалека. Я помогу устроиться на ночь. А завтра мы познакомимся получше.

Переступаю порог, отметив про себя, что Чэй идет за нами, а затем исчезает в глубине коридора. Я топчусь на ярком плетеном коврике, пытаюсь одним взглядом изучить обстановку. Толстые стены, массивные косяки дверей, крепкие потолочные балки... В углу – камин, напоминающий улей, в нем – аккуратно разложенные дрова, которые наполняют помещение теплым ароматом мескитового дерева.

– Твоя мама права, – произносит Палома и направляется на кухню.

Подол хлопчатобумажного платья колыхнется вокруг лодыжек ее босых ног. Я невольно моргаю и вглядываюсь пристальнее. Но нет, по воздуху она не плывет, хотя в первую минуту именно это мне и померещилось.

– У тебя только глаза другие, а так ты – копия моего Джанго, – добавляет она и всхлипывает.

Мне становится неуютно. Единственная фотография отца, которую я знаю, была сделана в обычной фотокабинке много лет назад.

Мама сохранила всего три снимка. На первом красовался Джанго, на втором – сама Дженника с высунутым языком, а на третьем – они оба, с трудом втиснувшиеся в крохотную кабинку. Дженника – в ту пору подросток – пыжилась, изображая Кортни Лав середины 90-х годов. Обесцвеченные лохмы, темная помада и коротенькое платьице. Джанго театрально целовал в шею свою подружку, которая развалилась у него на коленях и хохотала.

Конечно, этот снимок мне ужасно нравился. Оба выглядели такими молодыми, беспечными и свободными! Но будоражило меня другое, то, что все может измениться в мгновение ока. Вот наглядное доказательство того, что твой мир однажды, безо всякой причины, переворачивается с ног на голову. И ты ничего не можешь поделать. Через три месяца Джанго погиб, а Дженника обнаружила, что беременна. Свобода и беззаботность навсегда покинули ее жизнь.

Я просила Дженнику отдать мне фотографии, но она лишь рассмеялась. Тогда я потребовала фотку с поцелуем, но она заупрямилась, а затем маникюрными ножничками отрезала самый верхний снимок. Таким образом Джанго переключался в мой бумажник, а остальные Дженника спрятала. Однако мама не подозревала, что, когда мы переезжали на новое место, я в первый же день отыскивала ее тайник. В общем, пока Дженника была на работе, я сидела, как замороженная рассматривая фото моих влюбленных родителей.

Палома возится с кастрюлей на плите. Она помешивает содержимое деревянной ложкой, которую периодически подносит к носу, чтобы вдохнуть ароматный пар. Решив, что все готово, наливает густую жидкость в кружку и протягивает мне:

– Выпей, *ньета*. Это хороший успокаивающий настой.

Мне не хочется признаваться в этом Паломе, но мне страшно. А ведь в ней ничего угрожающего, и она совсем не похожа на ведьму, которую я себе представляла. Но быть здесь, в этом доме, где мой отец прожил шестнадцать лет и откуда сбежал в Калифорнию, чтобы там встретить мою мать, – очень странно. В конце концов я начинаю чувствовать себя не в своей тарелке.

Палома терпеливо держит передо мной кружку. Очевидно, она может стоять так часами, если понадобится. Делаю глубокий вдох и принимаю снадобье. Мои пальцы обхватывают гладкую глиняную ручку, и я чувствую волшебный влекущий аромат. А в следующую секунду понимаю, что кружка пуста. Палома забирает ее у меня и водружает на столик.

– Питье действует быстро, поэтому давай-ка я отведу тебя в спальню.

Ее теплая ладонь легко касается моего локтя. Я тащусь по коридору мимо пары закрытых дверей и захожу через арку в комнату с кроватью. Я падаю на простыню, а Палома подтыкает одеяло вокруг меня.

— Завтра мы поговорим. Отдыхай, моя девочка.

Глава 8

Я в лесу – прохладном безветренном и зеленом. Земля покрыта мхом. Вокруг меня – огромные деревья с пышными кронами. Их длинные ветви переплелись, и дневной свет почти не проникает сквозь изумрудный полог. Солнечные зайчики заставляют листья казаться живыми, и они колыхнутся в такт песне Ворона.

Птица сидит у меня на плече, пока я быстро и легко скольжу по тропинке. Внимательные темно-лиловые глазки оглядывают лес, и в моей памяти всплывает смутное ощущение – уверенность в том, что мне нечего бояться. Наверное, Ворон – мой проводник, и он выведет меня туда, куда нужно.

Я перебираюсь через валуны, пересекаю вброд быстрые ручьи. Вода поднимается все выше, и моя одежда постепенно намокает. Влажные волосы спутанным комком ложатся на плечи. Наконец я хватаюсь за выступ на противоположном берегу, подтягиваюсь, выбираюсь из потока и ложусь на камни. Ворон устраивается рядом. Теплый луч света падает на нас обоих, он согревает и высушивает меня, возвращая влагу небесам. Я знаю, что эта вода вновь прольется на почву – дождем или росой. Вскоре острый клюв Ворона тихонько касается моей руки.

Мы держим путь сквозь густой лес, но внезапно когти моего проводника сильно смыкаются на моем плече и едва не пронзают кожу. Я останавливаюсь. Крылья птицы трепещут, раскрываются, и Ворон взмывает ввысь. Спустя миг он исчезает, и, когда я поднимаю глаза к небу, мне не удастся проследить за его полетом. Его миссия окончена. Я пришла туда, куда должна была попасть, – на чудесную поляну, заросшую травой.

Автоматически разглаживаю платье в надежде, что я понравлюсь тому, кто ждет меня. Я чувствую его присутствие еще до того, как вижу его самого. На секунду закрываю глаза и вдыхаю цветочный аромат. Всплеск адреналина заставляет мое сердце биться чаще. Я стою не шевелясь. Я знаю, что он попросит меня обернуться.

Я улыбаюсь, когда он произносит мое имя, и смотрю на него с таким же всепоглощающим обожанием, как и он на меня. Мой взгляд скользит по фигуре красавца с гладкой смуглой кожей и черными волосами. Парень обнажен до пояса, он худощав и крепок. Его руки беспечно опущены, но я помню то наслаждение, которое они способны подарить.

Он протягивает мне ладонь, наши пальцы переплетаются, и он ведет меня прочь – туда, где весело пузырится горячий источник, а под его прозрачной поверхностью извиваются и танцуют струи пара.

Первая захожу в воду, и мое платье моментально прилипает к телу. Останавливаюсь и с нетерпением жду, когда юноша прикоснется к моей коже, обжигая ее своим огнем. Я словно в лихорадке. Когда же он обнимет меня и его губы, дразня и лаская, сольются с моими в поцелуе, магия которого заставит пламенные образы вспыхивать в моем мозгу?

Мне чудится цветок, который распускается из бутона, а затем опадает лишь для того, чтобы расцвести еще раз и вновь опадать, слившись с мириадами светлых душ. Светлые противостоят другим, тем, которые сливаются с тьмой. Души объединяются с Элементалями, демонстрируя вечный круговорот снега и росы. Я чувствую двулличие ветра, несущего опасность и дарующего передышку. Я ощущаю силу огня, способную согреть или сжечь. Я проникаюсь вечным терпением земли, которая пытается вобрать в себя наши желания... Образы повторяются до тех пор, пока я не осознаю то, что они пытаются сказать мне:

Я – молекула водорода в той воде, в которой плыву, и молекула кислорода в воздухе, которым дышу. Я – крошечный пузырек, поднимающийся к поверхности горячего минерального источника. И я – кровь, пульсирующая в венах парня, который целует меня. Я – крылья парящего Ворона. Я – часть всего сущего, а все сущее – часть меня.

Поцелуй дал мне возможность увидеть истину как никогда ясно. Пальцы юноши скользят по моему телу, он стягивает материю с плеч, и платье спускается на бедра. Он наклоняется и прижимается губами к моей коже. Но я заставляю его поднять голову – мне нужно увидеть его именно сейчас.

Я глажу его точеные скулы, перебираю непокорные пряди. Отвожу их с лица и вглядываюсь в ярко-синие глаза с золотыми ободками. Они изменчивые, постоянно меняющиеся, и в них поблескивают мои бесчисленные отражения. Невольно ахаю при виде этого зрелища, не в силах оторваться, неуверенная, смогу ли я вообще когда-нибудь это сделать.

– Нам пора.

Только киваю в ответ. Он прав, хотя я и не понимаю смысла слов.

– Обратной дороги нет. Ты там, где должна быть.

Но зачем мне уходить отсюда? Я родилась на свет только для того, чтобы встретиться с ним. Впрочем, я быстро забываю обо всем и приникаю к нему, обвивая его ноги своими, теснее притягивая к себе.

Тянусь к нему разгоряченными губами, но встречаю только холодную пустоту. Моего друга больше нет возле меня, а его место занял кто-то другой. Очередной незнакомец похож на моего возлюбленного, но его смоляные волосы коротко острижены. Его жестокие льдистые глаза не отражают свет, а поглощают его – словно бездонная пропасть.

– Теперь я, – говорит он, отталкивая моего парня.

– Обойдешься! – Тот мгновенно восстанавливает равновесие и напрягается, его мускулы сжимаются, как пружины.

Он готов встать на мою защиту.

Второй ухмыляется и пытается обойти его, но мой друг не подпускает его ко мне. Голос незнакомца сочится издевкой:

– Не волнуйся, братец, мне нужна только ее душа, сердце бери себе.

Его противник стоит перед ним несокрушимой стеной:

– Не бывает сердца без души. Боюсь, не видать тебе ни того ни другого.

– Ладно, тогда я заберу твою душу, – следует ответ.

Я ничего толком не понимаю. Увы, угроза исполняется с такой скоростью, что я успеваю лишь испуганно вскрикнуть, когда незнакомец превращается в монстра. Он становится демоном, отвратительным существом из чужого темного мира.

Он открывает огромную пасть, непристойно зияющую зазубренными клыками, и рвет плоть моего друга. Я вижу, как кровавое месиво пачкает прозрачную воду источника. Демон откидывает голову назад и издает ужасающий рев. Глаза его полыхают красным огнем, а вместо языка у него свисает мерзкая извивающаяся змея.

У меня перехватывает дыхание, я отчаянно и неумело пытаюсь помочь юноше. Я не могу его потерять, ведь мне потребовалось шестнадцать лет, чтобы его найти! Я знаю, что нас соединяет Любовь. Она привела нас обоих сюда и связала воедино. Это – наша Судьба. Некоторые вещи понимаешь без лишних вопросов.

Бросаюсь вперед, визжу, дерусь и пинаю чудовище. Но все бесполезно – мне не справиться со змеей. Рептилия проскальзывает мимо меня и погружается в израненную грудь юноши. Ее треугольная голова появляется вновь, держа в зубах мерцающий священный шар. Она впивается в него и поглощает целиком, загасив светящуюся в нем жизнь, как свечу.

Демон усмехается и тает в воздухе, но его образ навсегда останется в моей памяти. Я остаюсь наедине с моим растерзанным другом, который бездыханно лежит в моих объятиях.

Глава 9

Просыпаюсь с воплем, уткнувшись носом в подушку, которая и заглушает мой крик. Но боюсь, что Палома могла услышать меня. Что, если она придет проверить, все ли со мной в порядке? Пинком отбрасываю одеяло и сажусь, подтянувшись за невысокое деревянное изголовье. Я почти уверена, что сейчас бабушка появится в комнате и заставит меня выпить странный травяной настой. Но из-за двери доносятся обычные кухонные звуки текущей воды и шипящего на сковородке масла. Хлопает дверца холодильника. Для кого-то это обычные звуки повседневной жизни, но мне они известны лишь из фильмов и телевизионных шоу.

Что ни говори, а мы с Дженникой постоянно были в пути. Поэтому еда у меня ассоциируется с тем, что подают в самолетах, ресторанах и кафе разных стран, где требования к качеству порой не самые высокие. Наверное, только банкеты, которые порой заказывала та или иная студия, служили нам утешением.

Единственный раз, когда нашу жизнь можно было назвать хотя бы отдаленно «нормальной», случился, когда мне исполнилось двенадцать. Тогда мы остановились у Харлана. Однажды Дженника решила удивить нас и приготовить французские тосты. Но пока они поджаривались, мама отвлеклась, и в результате все сгорело. В доме сработала пожарная сигнализация. После того, как утихла суматоха, Харлан «погрузил» нас в машину и повез обедать в вегетарианский ресторанчик в Малибу.

Палома совсем не похожа на Дженнику. Насколько я могу судить, она прямо символ старорежимного мексиканского гостеприимства. В животе у меня бурчит, но я не двигаюсь с места, стараясь оттянуть этот момент.

Убираю со лба мокрые от испарины волосы и переодеваюсь в мягкий хлопковый халат, который Палома повесила на спинку стула. Ужас пережитого кошмара слишком свеж, и я даже страстно желаю больше никогда не видеть того юношу. Встаю на овечью шкуру рядом с кроватью, и мои ступни утопают в мягком меху. Быстренько проделываю стандартный набор упражнений, потягиваясь и разминая тело. Когда я сплю на животе, у меня всегда затекает шея. Потом обхожу комнату, разглядывая обстановку: питье Паломы свалило меня так быстро, что я не успела осмотреться.

Старый деревянный стол и стул находятся у окна. Инициалы моего отца – «ДС» – глубоко врезаны в правый верхний угол столешницы. Из-за угловатых резких линий буквы кажутся греческими. Думаю, Джанго сидел здесь, делал домашние задания, болтал по телефону, обдумывал свое бегство в Лос-Анджелес. Но, как ни стараюсь представить себе его, у меня почти ничего не получается.

Какой он был – единственный сын Паломы, которому было настолько душно в этом городке, что он с детства мечтал, как унести отсюда ноги?

Замечаю его фотографию в рамке на комод, она не помогает мне яснее представить отца, хотя в его лице уже заметны следы недовольства. Он одет в чистую отглаженную рубашку, волосы аккуратно подстрижены, но, если присмотреться, нетерпение во взгляде выдает его. Интересно, Палома тоже догадывалась о его состоянии? Или же, как большинство родителей, игнорировала неприятные вещи?

– На снимке ему шестнадцать, – с порога раздается голос Паломы.

Я невольно подскакиваю от неожиданности.

Несколько секунд я молча стою, уставившись на нее, прижав руку к колотящемуся сердцу. Потом осторожно ставлю фото на место, чувствуя странное ощущение вины. Палома неторопливо заходит в комнату.

– Я слышала, что ты проснулась.

Молчу, не знаю, что ответить. Она что, караулила за дверью?

– Точнее, я догадалась, – улыбается Палома. – А Джанго уехал вскоре после того, как было сделано фото. Иногда звонил, посылал открытки, но я больше уже никогда его не видела.

Она раздвигает легкие занавески, впуская в комнату единственный луч бледного света. Проследив за моим взглядом, бабушка поясняет:

– Это Ловец Снов.

Дотрагиваюсь до изящной безделушки, которая подвешена к оконной раме. Круглый сетчатый центр с отверстием посередине покрыт орнаментом из цветных нитей и бусин, края украшены замшевой бахромой и перышками.

– Ты знаешь, что такое Ловец Снов? – Темные глаза Паломы, напоминающие землю после ливня, поблескивают.

Отрицательно мотаю головой и машинально почесываю руку, хотя она и не чешется, – нервная привычка у меня с детства.

– Они как люди – разные, но у них есть и много общего. Этого создал мой друг из племени навахо. Многие верят, что сновидения приходят к нам из другого мира, поэтому Ловца подвешивают над кроватью или в окне. Он удерживает добрые сны, которые помогают нам в течение дня. А кошмары просто выскальзывают наружу через отверстие в центре и сгорают на солнце. Ну а перья означают дыхание всех живых существ...

Она указывает на легкие подвески, и я замечаю, что мои пальцы непроизвольно поглаживают и перебирают их.

Палома вопросительно поворачивается ко мне. Меня прямо подмывает сказать ей, что от ее Ловца вообще нет никакого толка, но ее глаза лучатся такой надеждой, что я проглатываю слова, готовые сорваться с языка. И мы идем на кухню завтракать.

* * *

– Вы в курсе, что у вас из стены камень торчит? – выпаливаю я и несу стакан к раковине.

Палома, по локоть в мыльной пене, моет посуду. Моя реплика прозвучала резче и грубее, чем мне хотелось. Но как-то странно, что, пока мы ели, она ни разу не обмолвилась об этом камне. Завтрак, а может, и ланч, был замечательным. Я умяла целую гору кукурузных оладий с теплым кленовым сиропом и сочными ягодами, выпила свежавыжатого сока и кружку ароматного местного кофе пинон.

Палома мягко улыбается.

– Не стоит без необходимости тревожить природу. Не надо требовать от нее, чтобы она подчинялась нашим желаниям. Если научиться жить в гармонии с ней, она щедро отблагодарит тебя.

О, Господи! Слыхала я уже такое. Обычно так вещает какая-нибудь старлетка с восторженными глазками, вернувшаяся с занятий в центре йоги, которые, разумеется, полностью перевернули ее жизнь. Эффект длится пару недель, потом в моду входит очередная оздоровительная новинка, и девица торопится к новым впечатлениям.

Но Палома-то – не восторженная юная барышня. Ничуть не сомневаюсь, что она когда-то ею была, – сейчас бабушке, наверное, около пятидесяти, но она по-прежнему прекрасно выглядит. Все в ней просто и естественно: длинная коса до пояса, ясные карие глаза, стройная фигурка, босые ноги и хлопковое платье. Кстати, я красовалась в такой же одежде в своем сне.

Смотрю на валун, который выступает из стены, и поражаюсь его цельности. Глыба с непринужденностью вторгается в пространство кухни, буквально требуя, чтобы все вокруг уступило ей центральное место.

Утром дом приобретает новый облик. Вчера вечером горящий камин и лампы окружали все мягким сиянием, а сейчас комнаты стали простыми и скромными. Деревянная мебель, традиционные ковры навахо, яркие пурпурные и желтые полевые цветы в стеклянных банках да стенные ниши с резными фигурками святых.

Уютный и маленький дом выглядит как келья, но вызывает у меня необъяснимое чувство комфорта. Думаю, все дело в том, что в нем невозможно потеряться. Я насчитала гостиную, которая переходит в кухню, две спальни и две ванные. Еще одна, пристроенная недавно, комнатка находится в конце коридора. Вместо ступеней туда ведет помост, сложенный из кирпича. В проеме арочной двери видны полки с пучками сухих трав, банками, заполненными разными жидкостями, и прочие штуковины подобного рода.

– А там что? – интересуюсь я у Паломы.

– Мой кабинет, в котором я принимаю посетителей.

Палома вытаскивает пробку из раковины, позволяя воде стечь, и вытирает руки вышитым голубым полотенцем.

– Не беспокойся, сегодня я никого не жду. У нас есть целый день, чтобы получше узнать друг друга.

– Тогда, может, там и начнем? Ведь я официально объявлена сумасшедшей, и меня сюда прислали лечиться.

Палома бросает на меня загадочный взгляд, в котором сквозят сочувствие, печаль, сожаление.

– Ты не сумасшедшая.

Она прислоняется к кухонной стойке, выложенной испанскими изразцами, и задумывается.

– И я абсолютно ничего не могу сделать, чтобы исцелить тебя.

Изумленно таращусь на нее и истерически спрашиваю:

– А зачем я сюда приехала в таком случае? Почему вы забрали меня у Дженники?

– Ты меня неправильно поняла.

Она выпрямляется и знаком показывает следовать за ней. Разжигает составленные конусом поленья в камине. Они трещат и рассыпают искры, а Палома устраивается на кушетке.

– Дайра, тебя не нужно ни от чего лечить.

Присаживаюсь на ручку кресла, сердито ерзаю и туго затягиваю халат. Понятия не имею, что она вещает, – ее двусмысленная фраза звучит очень подозрительно. Надо бы позвонить Дженнике: пусть она приедет побыстрей и заберет меня отсюда!

Но Палома продолжает:

– У Джанго было подобное состояние. Это всегда начинается примерно в шестнадцать лет.

– Значит, я действительно чокнутая. Замечательно! – вздыхаю я. – Да еще и унаследовала безумие от отца.

Скриплю зубами, в ярости дергаю пояс халата, и материя рвется. Чудесно! Стоило проделать весь путь, чтобы услышать тот же диагноз, что и в Марокко, и в Лос-Анджелесе! Но Палома сурово поправляет меня:

– Повторяю. Ты – не сумасшедшая! Это может выглядеть и ощущаться как помешательство, но ты не больна. То, что с тобой происходит, – начало изменений, вызванных твоей биологической наследственностью. Наш род передает особый дар из поколения в поколение, и всегда – только первому ребенку.

Что за бред? В недоумении пялюсь на Палому. Вижу, как шевелятся ее губы, но ее объяснения чересчур сложны для меня. Голова у меня кружится, и я с трудом выдавливаю:

– Но зачем тогда заводить детей? Я серьезно! Почему Джанго рисковал? Он вообще не предохранялся!

– Мой сын был молод, полон идей и упрям, как все подростки. Я предупреждала его, но он меня игнорировал. Решил, что, сбежав, избежит от видений. Но спрятаться от них невозможно. Видения найдут тебя везде. Мне сообщили, что в первый раз симптомы появились у тебя в Марракеше, но я уверена, ты сталкивалась с ними и раньше.

Из-за подступившей паники у меня начинаются спазмы в желудке, а грудь сжимается так, что я едва могу сделать вдох. Беспомощно озираюсь по сторонам, а Палома произносит:

– Дайра, я не смогла убедить Джанго, в чем состоит его долг, предназначение и судьба. Кроме того, видения у каждого из нашего рода – разные, но послание одно. Ты должна расшифровать его, пока не поздно.

Ее короткие ненакрашенные ногти теребят подол платья.

– *Ньета*, сейчас тебе больно и ты растерянна. Я сочувствую тебе, но, поверь, скоро все прекратится. Тебе требуется правильная диета, режим и тренировки, и неприятности останутся позади. Ты осознаешь свою судьбу и то, для чего ты родилась.

Я молча моргаю и наконец лепечу:

– Вы хоть соображаете, как дико это звучит?

– Да, – кивает Палома, – у меня самой была похожая реакция. Но ты должна справиться с предрассудками и отбросить то, во что тебя приучили верить. Слишком многое поставлено на карту. Ты даже не представляешь, какие тайны хранит наш маленький городок. Здесь полно хитрых Койотов, ты должна быть умнее этих плутов.

Она смотрит прямо мне в глаза, давая понять, что не шутит:

– Если ты не справишься, то я буду бессильна. Если ты будешь продолжать сопротивляться своей природе, то скоро тебя постигнет участь твоего отца. Дайра, ты моя любимая внучка, я не могу потерять тебя. Они не должны победить. Пока ты не примиришься со своей судьбой и не осознаешь полностью, что тебе предстоит, мой дом – единственное место, где ты будешь в безопасности. Он окружен защитой, и тебе нечего бояться, пока ты здесь. Но понадобится не одна неделя, чтобы научить тебя магии, *ньета*.

Нет, хватит мне чуши на сегодня! Не позволю держать себя здесь как пленницу! И, прежде чем она успевает открыть рот, срываюсь с места и несусь в свою комнату. Палома кричит что-то вдогонку, но я с грохотом захлопываю за собой дверь.

Глава 10

Торопливо сбрасываю измятый белый халат, натягиваю чистую черную майку, темные джинсы, в которых приехала, и сандалии без каблука. Наскоро связываю волосы в небрежный хвост, хватаю зеленую армейскую куртку, застегиваю сумку и набираю номер Дженники. Снова и снова. И в очередной раз попадаю на автоответчик.

Я не могу лететь самолетом – мне запретили доступ на все коммерческие линии. Водить машину не умею. Мне шестнадцать, но водительских прав у меня до сих пор нет. Просто я в них не нуждалась.

Но поскольку оставаться в городишке я не собираюсь, то выбора у меня тоже нет: надо сесть на автобус. Впрочем, мои ноги меня не подведут. Я любым способом должна убраться из кошмарного дома Паломы. Мой взгляд падает на фотографию отца. На сей раз я воспринимаю беспокойство, написанное на его лице, как предупреждение. Дескать, улепетывай, пока не поздно. Не удивительно, что он удрал: Палома явно ненормальная.

А она уже стучится в спальню, что-то бормочет, но я разбираю лишь «внучка». Она пытается ворваться внутрь, но я заранее подперла дверь стулом. Тихо подхожу, прикладываю ухо к двери и с облегчением вздыхаю: она удаляется. Воспользовавшись ее отступлением, бегу к окну, поднимаю раму, залезаю на подоконник и сбрасываю сумку на каменный двор – она приземляется с глухим стуком. Смотрю на широкие голубые ворота и замечаю диковатую изгородь. Она составлена из можжевельновых веток и высится перед глиняной стеной. Вдоль забора тянется полоса белых кристаллов – как будто очередной сумасшедший щедро посыпал все солью.

Да... Теперь мне ясно, что Палома подразумевала, убеждая меня, что ее жилище окружено мощной защитой. В недоумении перекидываю ногу через подоконник и проползаю под рамой. Перья Ловца Снов мягко касаются моей макушки, как напоминание, что мне нужно побыстрее убираться отсюда. Если я здесь останусь, не видать мне никогда нормальных людей.

Нагибаюсь, подхватываю сумку и впопыхах пересекаю двор. Хруст гравия под подошвами сандалий громом отдается в голове, а петли ворот визжат. Чертыхнувшись, вылетаю наконец на улицу. Ура, я свободна! Несусь по грунтовке в том направлении, откуда приехала вчера. За моей спиной вьется облако пыли.

Я бегу, как спринтер. Лямка сумки врезается мне в плечо, щеки горят, глаза слезятся, я почти выбилась из сил, но не останавливаюсь. Торможу только тогда, когда ноющая боль в боку внезапно взрывается с такой резкой ослепляющей силой, что я теряю равновесие и растягиваюсь на дороге. Я съеживаюсь и пытаюсь отдышаться. Я укачиваю свою боль, как младенца, уговариваю ее уйти, позволить мне встать и продолжить свой путь.

Плечусь на обочину, где тянется узкая сухая канава. Теперь я медленно бреду, экономя силы и стараясь держаться пониже, чтобы меня не засекли, на тот случай, если Палома решит отправиться за мной вдогонку.

Пересохшие кусты, которые скоро превратятся в перекасти-поле, цепляются за мои джинсы. Прохожу мимо безликих глинобитных домов. Они в плохом состоянии, трубы кое-где осыпаются, некоторые окна забиты. Почти везде стоят проржавевшие машины, бродят куры, пасется скот. Провисшие веревки для белья украшают дворы, как некая замена ландшафтному дизайну. По-моему, я еще ни разу не встречала городок, которому так не подходило бы его название. Здесь нет ничего даже отдаленно очаровательного. Отличный пример лживой рекламы.

А я-то не сомневалась, что везде побывала и навидалась всяческих дыр. Интересно, где они покупают еду и одежду? Куда податься местным подросткам? Тем, кто еще не запрыгнул в ближайший автобус? Кстати, что еще важнее, где мне найти общественный транспорт?

Снова вытаскиваю мобильник и набираю номер Дженники, но, как и прежде, работает лишь ее автоответчик. Наговариваю ей сердитое сообщение, присовокупив злую СМС, и начинаю подумывать, не позвонить ли Харлану. Но быстро отказываюсь от этой идеи. Во-первых, я даже не знаю, вернулся ли он из Таиланда и какие у них сейчас отношения с Дженникой. Во-вторых, понимаю, что до заката осталось совсем немного времени. Мне необходимо добраться до центра Очарования до наступления темноты, иначе мне предстоит ночевать на улице.

Я продолжаю тащиться вдоль канавы, пока она не заканчивается, и я обнаруживаю, что оказалась на перекрестке. Переулки в отдалении сливаются в пустынный тоскливый лабиринт. Я решаю спросить дорогу у местных обитателей, как вдруг, свернув за угол, оказываюсь в некоем подобии городского центра.

Улица расширяется, и становится видно целых три перекрестка. Мне надоело терять время зря, и я направляюсь к ближайшему магазинчику с вывеской «Сувениры Гиффорда (а также почта и услуги нотариуса)». Небольшая табличка извещает о том, что в заведении продается свежесваренный кофе.

Толкаю дверь и захожу внутрь. Колокольчик пронзительно дребезжит, и посетители разом оборачиваются. В магазине становится тихо, разговоры смолкают, народ удивленно таращится на меня. Видок у меня, наверное, тот еще: спутанные космы, покрасневшее лицо, испачканные джинсы. Просто отлично: я успела как раз к наплыву клиентов.

Поправляю на плече лямку сумки, одергиваю майку и пристраиваюсь в конец очереди. Гул голосов возобновляется, а я беру с полки открытку с фотографией, на которой изображена как раз эта улица, а сверху ярко-розовыми буквами криво выведено: «Очарование». Вряд ли можно было бы подобрать лучший символ безотрадности для этого местечка! Рядом со стендом на цепочке висит ручка. Я нацарапываю Дженнике адрес моего почтового ящика и пишу:

«Дорогая Дженника, огромное спасибо за то, что ты сперва засунула меня в эту дыру, а теперь еще и на телефонные звонки не отвечаешь. Конечно, я совсем не считаю, что ты меня бросила. Правда-правда. Наоборот, благодарю тебя за заботу и понимание.

Целую и обнимаю. Твоя любящая дочь Дайра».

Удивительно, но маленькая вспышка сарказма приносит облегчение.

Очередь движется быстро, и вскоре я уже стою перед прилавком. Усилив воли заставляю себя не смотреть на таблоиды, разложенные на стенде. Разумеется, мне это не удастся: меня, как магнитом, притягивает обложка с Вейном. Желудок вновь скручивает судорога, но уже от гнева, а не от слабости. Ладно, хоть какой-то прогресс.

Надеваю солнечные очки и опускаю голову, надеясь, что никто не узнает меня в той хмурой девушке на обложке. Впрочем, похоже, меры предосторожности излишни: никто не обращает на меня внимания.

Я прислоняюсь к серому пластиковому прилавку. Пожилой продавец в узких джинсах, клетчатой рубашке и с поясом с массивной серебряной пряжкой похож на ковбоя. Но четкий акцент жителя Восточного побережья намекает, что когда-то у него была иная жизнь. Пристраиваю сумку на бедре и роюсь в поисках кошелька.

— Мне, пожалуйста, открытку и марки. И надеюсь, вы сможете объяснить мне, где автобусная остановка.

Тихо мурлыча что-то себе под нос, продавец наклеивает марку на открытку, беззастенчиво пользуясь случаем, чтобы прочесть мой текст.

— Планируете побег из тюрьмы?

Вопросительно поднимаю бровь. Но «ковбой» только пожимает плечами и кивает в сторону двери:

– В конце квартала. Автобус в Альбукерке отходит каждые два часа. – Мужчина сверяется с часами и добавляет: – Вам, мисс, не повезло, вы опоздали, так что придется еще немного потерпеть нашу компанию, – улыбается он.

Лучики морщинок разбегаются от его прищуренных глаз, но мне совсем не до смеха. Плачу за открытку и выскакиваю на улицу. Теперь надо придумать, где спрятаться, чтобы Палома не нашла меня прежде, чем я успею покинуть Очарование.

Глава 11

Направляюсь к остановке. Миную пекарню, в витрине которой выставлены замысловатые торты с кремовой надписью «С днем рождения!». Рядом находится книжная лавка с потрепанными томиками в мягких обложках и бутик одежды. Я бы в жизни не надела сверкающие блестками наряды, висящие на кривых вешалках.

Торможу на углу, напротив местного винного магазина, чтобы отдышаться. И вдруг чувствую на себе чей-то взгляд. Обернувшись, обнаруживаю прислонившегося к кирпичной стене парня примерно моих лет.

– Огоньку не найдется? – низким голосом произносит он и вертит в руке незажженную сигарету.

Отрицательно качаю головой и рассеянно переминаюсь с ноги на ногу. Почему-то я не в силах оторвать взгляд от незнакомца. Он – в потертых джинсах, светло-сером свитере и рыжих кожаных ботинках. У него смуглая кожа, черные волосы, зачесанные назад, твердый подбородок и соблазнительные губы. Глаза скрыты за темными очками.

– Уверена? – Парень наклоняет голову и ухмыляется, демонстрируя безупречные белые зубы.

Он явно знает, что хорош собой, умеет пользоваться своим обаянием и наверняка думает, что мир вертится вокруг него.

Снова качаю головой, пытаюсь заставить себя идти, но безуспешно. Любопытство заставляет меня остаться на месте.

– Очень жаль, – тянет юноша.

Сигарета, которую он держит, внезапно превращается в блестящую змею. Рептилия скользит вверх и исчезает у него во рту, где должен быть язык. Замираю, уверенная, что меня настигла новая галлюцинация. Сейчас время замрет, и ко мне слетятся вороны. Неожиданно парень раскатисто смеется и лезет в карман:

– Похоже, надо самому позаботиться о себе.

Он достает серебряную зажигалку, украшенную бирюзой. Теперь у него в губах – обычная сигарета. Колесико чиркает, пламя освещает его лицо, он глубоко затягивается. Мы смотрим друг на друга сквозь темные стекла, хотя час уже поздний и солнце закатилось. Я разворачиваюсь, прежде чем он успевает выдохнуть струю дыма в мою сторону.

Пересекаю улицу, чувствуя, что сердце колотится как бешеное. Опять звоню Дженнике и наговариваю целый ворох злых сообщений, по сравнению с которыми моя открытка превращается в любовное признание. Понимаю, что веду себя как идиотка. Меня посетило видение. Оно – нереально. Но меня по-прежнему трясет.

Добираюсь до остановки и осознаю, насколько открытое и опасное это место. Я застываю возле выщербленной скамьи под хлипким пластиковым навесом, который готов обрушиться от дождя. Кроме того, я уверена, что Палома быстро найдет меня именно здесь. Может, она и чокнутая, но отнюдь не глупа.

Решив поискать убежище, где можно заодно перекусить, кидаю мобильник в сумку и замечаю, что батарея мигает – значит, зарядка кончается. А прямо передо мной вспыхивают ярко-красные неоновые буквы: «Кроличья нора».

Зеленая мигающая стрелка рядом с надписью указывает на ведущие вниз крутые ступени. В подвале находится какой-то бар. Надеюсь, что смогу затаиться в «Норе». Что, если это первый добрый знак за последний месяц? Скатываюсь вниз и приоткрываю дверь. Внутри настолько темно, что моим глазам требуется пара минут, чтобы привыкнуть к полумраку.

– Удостоверение личности?

Мускулистый вышибала с бычьей шеей внимательно оглядывает меня.

– Я не собираюсь пить! Мне бы содовой и перекусить.

Моя улыбка не производит на него впечатления. Он считает себя крутым парнем, с которым шутки плохи, а к таким мелочам, как ужимки девчонок, у него давным-давно выработался иммунитет.

– Без документов не пропущу.

Киваю и лезу в сумку. Перекопав кучу вещей внутри, вытаскиваю паспорт и протягиваю вышибале. Он внимательно изучает страницы, потом жестом просит протянуть ему руку, шлепает на нее печать клуба и пропускает в «Нору».

Внутри теснятся деревянные столы, вокруг которых расставлены красные виниловые стулья. Пол застелен ковролином, а около барной стойки толпятся завсегдатаи. У большинства посетителей слегка осоловелый и потрепанный вид.

Озираюсь в поисках свободного места, и тут, как по заказу, из одной маленькой кабинки выходит пожилая пара. Я мигом сажусь за их столик, откуда даже не убрали грязную посуду. Беру меню, стараясь не прикасаться к заляпанным липким краям страниц, и рассматриваю выбор соленых закусок. Конечно, их специально подбирают так, чтобы еще сильнее хотелось пить.

– Ну как, выбрала?

Оказывается, ко мне уже подрулила официантка.

– Чего будешь заказывать? – ехидно спрашивает она, издевательски подчеркивая каждое слово.

Карандашик нетерпеливо постукивает по бедру. Девушка явно привыкла к мизерным чаевым и не намерена стараться.

– Ага. Куриные крылышки баффало. И бутылку спрайта, пожалуйста.

Подталкиваю меню к ней (смертный грех по барному этикету), она фыркает и запикивает его в держатель для бумаг, откуда я его достала.

– Что-нибудь еще?

Несмотря на жесткую складку тонких губ и неприветливый угрюмый тон, официантка, вероятно, ненамного старше меня. И она, должно быть, была местной королевой красоты. Следы прошлого до сих пор «не стерлись». У нее длинные накладные ногти, корни волос аккуратно обесцвечены, а черный кружевной лифчик так высоко поднимает грудь, что она грозит вывалиться из выреза ее белого топа. Бейджик «МАРЛИЗ!» лихо болтается из стороны в сторону. Но внешности явно оказалось недостаточно, чтобы сбежать из городка.

– Мне нужно зарядить телефон. У вас есть свободная розетка?

Она тычет пальцем через плечо, и дернувшийся бицепс заставляет меня обратить внимание на сложную татуировку со змеей, которая обвивает ее руку от кисти до плеча.

– У бармена спроси.

Она отворачивается, рывкает на заваленного тарелками помощника, приказывая ему немедленно убрать на моем столе, плывет на кухню и исчезает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.